КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

А. Н. ШЕЙКО

ПРАВИЛА ЛОГИЧЕСКОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
1956

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

А. Н. ШЕЙКО,
кандидат философских наук

ПРАВИЛА ЛОГИЧЕСКОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
1956

Ответственный редактор

канд. философских наук А. Д. КАРДАШ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Доказательность как черта правильного мышления . . 6
1. Сущность и возникновение доказательности мышления 6
2. Борьба классиков марксизма за доказательность мышления 15
3. Доказательность и убеждение 19
4. Значение доказательности мышления 26
Глава II. Тезис доказательства и правила относительно тезиса . 31
1. Тезис доказательства 31
2. Правила относительно тезиса доказательства . . . 35
а) Первое правило 36
б) Второе правило 44
в) Третье правило 49
Глава III. Аргументы и правила относительно аргументов доказательства 56
1. Сущность аргументов 56
2. Виды аргументов 59
а) Очевидные положения как аргументы доказательства 61
б) Аксиомы как аргументы доказательства . . . 63
в) Факты как аргументы доказательства 64
г) Законы науки как аргументы доказательства . . . 69
д) Определения и деления понятий как аргументы доказательства 72
е) Иные, ранее доказанные положения как аргументы доказательства 78
3. Правила относительно аргументов доказательства . . 79
а) Первое правило 81
б) Второе правило 83
в) Третье правило 85
Глава IV. Демонстрация доказательства и правило относительно демонстрации 89
1. Демонстрация как способ связи тезиса и аргументов доказательства 89
2. Правило относительно демонстрации 98
Заключение 104

ВВЕДЕНИЕ

Практическая деятельность человеческого общества в целом направлена на борьбу за удовлетворение материальных и духовных потребностей. Удовлетворение этих потребностей осуществляется через труд, в процессе которого человек воздействует на природу и на членов человеческого коллектива.

Успехи человеческой деятельности тем выше, чем точнее человек отражает в своем сознании объективно существующие закономерности природы и общества. Поэтому человек стремится опереться в своей деятельности на истинные знания о действительности. При этом практика ясно показывает человеку, что он может *верно отобразить* действительность в своем сознании, но она же свидетельствует и о том, как часто человек может впадать в *заблуждение*.

В силу этого у человека возникло критическое отношение к своим знаниям, которое проявляется в том, что человек, прежде чем перейти к практическим действиям, на основании вновь полученных знаний стремится удостовериться в их истинности.

Проверяется истинность знаний непосредственно, практически, или опосредствованно, теоретически. В последнем случае пользуются логическими доказательствами.

Логическими доказательствами приходится широко пользоваться и в том случае, когда человек, прийдя к новому знанию и установив его истинность *практически*, хочет затем убедить *других* людей *теоретически*. Так поступают, например, при пропагандировании достижений новаторов производства.

Всякие новые передовые теории, обобщающие практический опыт отдельных людей или целых коллективов, рассматриваются у нас в стране, как народное достояние. Они тем скорее находят своих последователей, чем убедительней доказывается их истинность и эффективность, ибо, как говорит Энгельс, «все, что приводит людей в движение, неизбежно должно пройти через их голову...» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произведения в двух томах, т. II, стр. 373.

В нашей деятельности мы постоянно пользуемся логическими доказательствами, а то, что имеет большое практическое значение, заслуживает соответствующего внимания и со стороны теории, если исходить, конечно, из марксистского понимания единства теории и практики, из того, что теория есть обобщение практики, а не произвольный вымысел, и что она, в свою очередь, способна воздействовать на практику. Это марксистское положение следует считать вполне справедливым и для процесса мышления.

Поэтому обобщение в логической теории практики мышления, а затем изучение этих теоретических положений с целью их применения на практике может и должно служить целям повышения культуры мышления.

В этом вопросе следует избегать двух крайностей: одной — переоценки роли логической теории до такой степени, при которой считается, что мыслить правильно можно, только изучив логику, и другой, согласно которой все «попытки логики научить человека правильно мыслить обречены на неуспех» [1]. Мотивируется последнее положение тем, что «построение мыслей есть процесс естественный и никакое управление им невозможно» [2]. Если так подходить к делу, то тогда следует считать бесполезным и бесцельным занятие вообще любой наукой, изучающей естественные процессы.

Не так понимали цели науки ученые-материалисты. Член-корреспондент АМН СССР Д. А. Бирюков рассказывает об академике Павлове: «Однажды, уже на склоне его лет, Ивана Петровича спросили, в чем он видит основные цели физиологической науки. Прославленный ученый крайне просто ответил на заданный вопрос. Задачей физиологии, сказал он, является научить человека, как правильно есть, дышать, как правильно работать и отдыхать, чтобы прожить как можно дольше» [3].

Подходя подобным образом к науке логике, мы должны сказать, что цель ее заключается в том, чтобы научить человека более правильно мыслить на основании сознательного применения законов и форм логического мышления для наиболее точного отражения в сознании человека окружающей его действительности.

При таком понимании целей науки логики станет понятным, почему Центральный Комитет нашей партии в своем постановлении признал абсолютно ненормальным то положение, что логика не преподавалась как учебная дисциплина, решительно осудив тем самым нигилистическое отношение к науке логике [4].

---

[1] Н. В. Краинский, Логические ошибки и заблуждения в научном творчестве, отдельный оттиск, стр. 11.

[2] Там же.

[3] Д. А. Бирюков, Физиологическое учение И. П. Павлова — острое оружие в борьбе против религии, Ленинград, 1953, стр. 20.

[4] См. газету «Культура и жизнь» № 16 от 30 ноября 1946 г.

Известно, что после этого постановления логика была введена в ряде учебных заведений. усилилась научно-исследовательская работа в области логики. В последнее время появились учебные пособия и монографии, посвященные отдельным вопросам логики. Так, в 1954 г. вышла работа проф. В. Ф. Асмуса «Учение логики о доказательстве и опровержении». В ней правильно, с материалистических позиций освещается большинство основных вопросов теории доказательства, но, к сожалению, такой важный вопрос, как правила логического доказательства, оказался в работе В. Ф. Асмуса совсем обойденным, а решение некоторых вопросов, данное в работе, вызывает возражение. В целом же работа В. Ф. Асмуса «Учение о доказательстве и опровержении» безусловно содействует дальнейшему развитию теории доказательства.

Термин «доказательство» в логике неоднозначен. Первое его значение — это рассуждение, в ходе которого устанавливается истинность или ложность какого-либо суждения. В данном случае термин «доказательство» будет охватывать все виды рассуждений, применяемых с этой целью.

Когда же мы говорим: «Он привел убедительные доказательства в подтверждение своего положения», то в данном случае «доказательство» обозначает уже только одну составную часть того мыслительного процесса, о котором речь шла в первом случае. Здесь «доказательство» обозначает то, что чаще всего называется аргументом. Примерно этот же смысл термин «доказательство» будет иметь в суждении: «Комиссия Международной Ассоциации юристов-демократов во время пребывания в Корее собрала и представила неопровержимые доказательства ведения американскими империалистами бактериологической войны против корейского и китайского народов». В этом и подобных ему суждениях термин «доказательство» обозначает довольно широкий круг предметов. Сюда входят: свидетельские показания очевидцев, фотографические и иные документы, а также и то, что юристы обычно называют вещественными доказательствами.

Следует указать еще на одно содержание термина «доказательство». Оно отчетливо выступает тогда, когда говорят: «Доказательство и опровержение». В последнем случае «доказательством» называется то, что в других случаях называют обычно «защитой».

В настоящей работе термин «доказательство» будет употребляться главным образом в этом последнем смысле, как логический прием обоснования истинности какого-либо суждения.

Поскольку изложить правила логического доказательства, не касаясь сущности и структуры доказательства, нельзя, то в начале настоящей работы дана в качестве вводной глава о доказательности мышления, а изложению правил предпосылается характеристика той части доказательства, к которой они относятся.

Глава I. Доказательность как черта правильного мышления . . 6
1. Сущность и возникновение доказательности мышления 6
2. Борьба классиков марксизма за доказательность мышления 15
3. Доказательность и убеждение 19
4. Значение доказательности мышления 26

ГЛАВА I

ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК ЧЕРТА ПРАВИЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

1. Сущность и возникновение доказательности мышления

Правильное мышление обладает тремя характерными чертами: определенностью, непротиворечивостью и доказательностью.

Логика рассматривает доказательность мышления, как одно из важнейших условий, способствующих правильному отражению действительности в мыслях человека.

Под доказательностью мышления понимается такое рассуждение о действительности, такой ход мыслей, при котором не только сообщается об истинности какого-то суждения, а и указываются основания, по которым данное суждение следует считать истинным. Подобное рассуждение обретает форму логического доказательства.

Вопрос о конкретных формах логических доказательств в данном случае мы не рассматриваем. Остановимся лишь на доказательности мышления как необходимом условии правильного мышления, ведущего нас к познанию истины. Под истиной же будем понимать такое содержание наших знаний, которое соответствует действительности.

Такое понимание доказательности мышления свойственно только тем, кто стоит на материалистических позициях, кто признает существование объективной истины, возможность познания мира.

Для идеалистов же, которые не признают объективной истины, оспаривают возможность познания мира и его закономерностей, не верят в достоверность наших знаний и считают, что мир полон непознаваемых «вещей в себе», доказательность мышления по существу теряет всякий смысл. На самом деле, как может заниматься обоснованием истинности суждений тот, кто не признает существования самой объективной истины? Как может заниматься обоснованием верности своих знаний тот, кто проповедует недостоверность человеческих знаний?

Отрицание идеалистами достоверности наших знаний выбивает у них из-под ног всякое основание для доказательства истинности своих суждений. Если бы идеалисты последовательно держались своего взгляда о неспособности нашего мышления правильно отразить существующую действительность, то они должны были бы прекратить всякие попытки обоснования своих суждений.

Только непоследовательностью идеалистов можно объяснить тот факт, что они все же тратят очень много усилий, дабы «доказать», что их философия верна, чтобы показать «обоснованность», «неголословность» своих рассуждений. Конечно, это непоследовательно и нелогично со стороны идеалистов. Но что поделаешь: кто исказил действительность, тот неизбежно вступит в неравный спор с логикой.

Отрицая достоверность человеческих знаний вообще и тут же пытаясь доказать истинность своих убеждений, эта часть идеалистов полностью уподобляется Пигасову из романа Тургенева «Рудин», который заявлял, что «убеждений вообще нет и не существует», и тут же эту мысль считал своим *убеждением*.

Среди другой части философов-идеалистов существует иная оценка познавательной возможности нашего мышления. Она заключается в утверждении, что мышление может быть источником только истины, и какие бы мысли не возникали, все они являются истинными, лишь бы они «служили» интересам их носителя.

Но на этой ложной точке зрения идеалистам прагматистского толка невозможно последовательно удержаться, ибо кто заявляет, что «всякая мысль истинна», тот уже признает за истину и противоположное суждение — «всякая мысль ложна».

Итак, идеалисты как бы в «наказание» за искажение действительности всякий раз оказываются прикованными к позорному столбу нелогичности.

Что же представляют собой по существу эти две, могущие показаться противоположными, оценки познавательных способностей человека, даваемые идеалистами?

Оба эти взгляда представляют собой атаки против силы человеческого разума, хотя и ведутся они с разных сторон.

И первый взгляд — отрицание за нашим мышлением возможности истинного познания действительности, и второй — отрицание возможностей заблуждения в процессе познания действительности являются несостоятельными, ибо они искажают действительный характер процесса познания. Оба они очень вредны для человечества. Вред их заключается в том, что каждый из них по-своему разоружает человечество в борьбе за познание объективно существующих законов природы.

Защитой и распространением подобных идеалистических взглядов философствующие лакеи современного империализма выполняют подлый заказ эксплуататоров, направленный, глав-

ным образом, на то, чтобы не допустить возможности познания массами эксплуатируемых законов развития общества и тем самым задержать наступление часа освобождения угнетенных.

Каким бы образом не искажали идеалисты действительный характер человеческого знания, они при этом очищают место вере.

На это в своих «Философских тетрадях» указывал В. И. Ленин: «Кант принижает знание, чтобы очистить место вере: Гегель возвышает знание, уверяя, что знание есть знание бога. Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму» [1].

Таким образом, для идеализма, отрицающего возможность познания мира, вопрос о доказательности мышления беспредметен.

Диалектический же материализм в противоположность идеализму исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы; и это дает основание для строго научного анализа природы мышления в целом и такой его черты, как доказательность, в частности.

Единственно правильную оценку познавательных возможностей человеческого разума дает марксизм. Марксистская философия признает в принципе возможность правильного познания человеком объективного мира, но вместе с тем не отрицает и возможности заблуждения в процессе познания. «Все идеи, — говорит Энгельс, — извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или же искаженные» [2].

То положение, что наше мышление в процессе познания действительности иногда отображает ее искаженно или недостаточно полно, имеет свои особые объективные и притом *материалистически вполне объяснимые причины*. Их исследование — особый вопрос. В данном случае для нас важно обратить внимание на тот факт, что *возможность верного познания той или иной части действительности не всегда и не сразу превращается в действительность*.

В силу этого перед человеком встает необходимость разобраться в своих знаниях, оценить их с точки зрения истинности. Для человека различное значение имеют знания истинные, могущие служить основой успешных практических действий, и знания ложные, опора на которые в практической деятельности приводит к нежелательным результатам. Вот почему человек и стремится научиться отделять знания ложные от истинных, как плевела от зерен.

Критерием истины человеку всегда служила и служит общественно-историческая практика. Поэтому знания, проверенные практикой, являются достоверными, а знания, еще не проверен-

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 147.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 317.

ные опытом, практикой, нельзя считать достоверными, так как при последующей проверке они могут оказаться и неистинными.

Человек, будучи стихийным материалистом, уже давно включил в основу познания практику как критерий истины. Он давно научился оценивать истинность своих знаний, исходя из результатов их проверки на практике.

Еще первобытный человек, практически взаимодействуя с окружающей природой и членами человеческого коллектива, многое наблюдал; обобщая свои наблюдения и делая на их основе выводы, он затем применял полученные знания в новых подобных ситуациях на практике.

В процессе труда, который вывел человека из первобытного состояния и поднял его высоко над окружающим миром, человек развивался не только физически, но и интеллектуально.

Решающее значение труда в процессе интеллектуального развития человека объясняется тем, что у человека он неразрывно связан с осмысливанием всего окружающего, с осмысливанием самого процесса труда и его результатов.

На эту особенность собственно человеческой формы труда, составляющей исключительное достояние человека, обращал внимание Карл Маркс. Он писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально» [1].

Тот факт, что человек раньше мысленно создает, проектирует, а затем реализует свои мысли практически в процессе труда, обусловливает постоянную многомиллиардную практическую проверку правильности его мыслей на практике. Это и привело постепенно человека к сознанию того, что его практические действия не только созидают материальные ценности, но и являются *проверкой правильности его представления о действительности*, адекватности его мыслей действительной природе вещей.

Этот вывод был важным завоеванием человеческого мышления. К нему человек пришел, обратив внимание на тот факт, что результаты его труда не всегда соответствуют его же идеальным планам. Человек начал замечать также и то, что отклонения от идеальных планов бывают как благоприятные, так и неблагоприятные.

Эти отклонения заставляли задуматься. Перед человеком возникали вопросы: почему эффект оказывался не таким, как предполагалось? Почему результат оказался непредвиденным? Эти вопросы вставали перед человеком не как какие-то рожденные любовью к отвлеченным рассуждениям, а как жгучие практиче-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 185.

ские вопросы, выдвигаемые самой жизнью, от правильного решения которых зависело не просто удовлетворение какого-то праздного любопытства, а удовлетворение самых насущных материальных потребностей в еде, одежде, жилье и т. д. Подчас от правильного решения тех или иных вопросов зависело само существование человека.

Жизнь выдвигала подобные вопросы перед человеком, она же властно, хотя иногда и очень терпеливо (в смысле времени), требовала их разрешения.

В поисках причин несоответствия результатов своей деятельности своим же предначертаниям человек заметил, что эти случаи несоответствия всегда были связаны с неверным или неточным представлением о действительности, а случаи соответствия — с правильным, адекватным ее отражением.

Так, со временем в сознание человека прочно вошло положение, что умение вызвать какое-либо явление из его условий и заставить его служить своим целям надо рассматривать, как доказательство *правильного понимания* человеком данного явления.

Человек давно понял и оценил роль практики как учителя истины. Поэтому диалектический материализм, в полном соответствии с действительным характером человеческого познания, считает, что «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [1].

Для марксизма в учении о познании характерно единство теории и практики, для идеализма — отрыв теории от практики.

«Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм,— говорит марксист. Практика пусть будет материалистична, а теория особь статья,— говорих Мах» [2],— пишет В. И. Ленин.

Как в самой жизни труд человека неразрывно связан с мышлением, так и в теории познания практика должна быть неразрывно связана с теорией. Отрицать за практикой роль критерия истины, значит закрывать путь к познанию истины. Так именно и поступают современные махисты позитивистского толка вроде Нейрата, который заявляет, что «предложения должны сравниваться только с предложениями, но ни с «опытом», ни с «миром», ни с чем-либо другим. Все эти лишенные смысла удвоения принадлежат к области более или менее утонченной метафизики и поэтому должны быть отвергнуты. Каждое новое предложение сопоставляется со всеми имеющимися в наличии и согласованными между собой предложениями. Таким образом, предложение называется правильным, если оно может быть включено в систему. То, что мы не можем систематизировать, отбрасывается как неправильное» [3].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 130.
[2] Там же, стр. 127.
[3] См. Морис Корнфорт, В защиту философии, М., 1951, стр. 32.

В этом разглагольствовании Нейрата обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что он вместо суждения говорит о «предложении», — это свидетельствует об отождествлении им языка и мышления.

Кроме того, Нейрат, как и всякий субъективный идеалист, считает недопустимой «метафизикой» сопоставление, в целях установления истины, наших мыслей с самой действительностью, в них отраженной. Правильным, по его мнению, должно представляться то, что может быть включено в систему, а это значит, что критерием истины должна выступить некая субъективная система догм. При таком понимании дела, во-первых, фактически становится невозможным действительное расширение наших знаний и, во-вторых, остается неясным, где же взялась эта уже готовая система «предложений», которая позволяет «называть правильными» те предложения, которые могут быть в нее включены.

Отрицание практики как критерия истины приводит субъективного идеалиста фактически к отрицанию возможности познания действительности. А в свете этого становится ясным, что раз предложения должны сравниваться только с предложениями, то мышление от этого не становится подлинно доказательным, так как оно попадает в порочный круг, который нигде не размыкается для того, чтобы сопоставить наши мысли с тем, что в них отражено, т. е. с самой действительностью.

Диалектический материализм, признавая практику единственным критерием истины, понимает практику не узко, примитивно, ограниченно, как опыт отдельного индивида — «мой опыт», как понимали ее вульгарные, метафизические материалисты, а понимает ее в широком смысле, как совокупность всей общественно-исторической деятельности человека, которая может быть обобщена и в теории.

Диалектический материализм вместе с тем не отрицает возможности установления истинности некоторых суждений при помощи сравнения их с другими нашими суждениями, истинность которых практически уже была доказана ранее. Это вполне соответствует истории развития человеческого мышления.

Человек давно заметил, что практика помогает разбираться, где истина, а где ложь, но он заметил также, что можно иногда воспользоваться для этой цели знаниями, уже проверенными на практике. Это обстоятельство и заставило человека искать в своем сознании *критерии* для установления различия между истинными и ложными положениями раньше, чем перейти к практике. Это можно было сделать путем сопоставления, сравнения своих новых выводов, еще не проверенных на практике, с такими представлениями о действительности, которые уже подтверждены практикой.

Задача, таким образом, заключалась в том, чтобы проверить истинность какого-либо нового положения, еще не проверенного

на практике, при помощи *сопоставления* его с положениями, которые являются теоретическим обобщением предыдущей практики. Ибо в конечном итоге *«практикой* своей доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки» [1].

Именно потому, что результаты своей практики человек обобщает в теории, он имеет право проверять истинность некоторых своих знаний теоретически, что будет косвенно тоже проверкой при помощи опыта.

Подобная проверка истинности знаний ничего общего не имеет с упомянутым выше «включением предложения в систему», согласно «теории» позитивизма.

В данном случае у нас критерием истины, хоть и опосредствованно (через теорию), но все же выступает объективный критерий — практика, в то время как у логического позитивизма подобный объективный критерий и не предполагается.

С ростом знаний для каждого отдельного человека, с одной стороны, становится все труднее испытывать непосредственно на личном опыте огромное количество новых знаний, а с другой — расширяются возможности установления их истинности при помощи предыдущего опыта человечества, уже обобщенного в теории.

Отсюда ясно, что по мере роста знаний расширяется практическое применение доказывания истинности тех или иных суждений, а следовательно, становится оправданным все возрастающий интерес к этим вопросам со стороны теории логики. Насегодня, как совершенно справедливо замечает товарищ Мао Цзе-дун в своей работе «Относительно практики», большая часть наших знаний — это продукт косвенного опыта.

Таким образом, человек давно оказался вынужденным при познании новых явлений опираться на уже имеющиеся у него знания общих закономерностей и причинных связей явлений действительности, а также на знание твердо установленных фактов. Он смотрел, *согласовывается* ли полученный новый вывод с известными закономерностями и фактами, не вступает ли он с ними в противоречие. Если не вступает, значит можно переходить к практическим действиям. Если же вступает, то это надо расценивать как сигнал, запрещающий переходить к практике до тех пор, пока не будет найдено одно из двух: либо ошибка в новом выводе, либо погрешность в известной уже закономерности. Конечно, подразумевается, что сопоставление это правомерно.

Возможность проверять новые выводы теоретически, сопоставляя их с установленными уже ранее закономерностями и фактами, непрерывно расширялась у человека по мере расширения сторон его деятельности, накопления опыта, развития знаний. «Теперь уже не считается необходимым,— указывает Ф. Энгельс,— чтобы каждый отдельный индивид лично испытал

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 164

все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков» [1].

Поиски причин несоответствия идеальных планов реальным результатам, желание избежать в дальнейшем неблагоприятных результатов, а также узнать причины благоприятных эффектов, своих действий, чтобы закрепить их в будущем, рождали у человека стремление познать закономерности окружающей его действительности.

В поисках причин неправильности своих представлений о действительности человек начал внимательно присматриваться к своим выводам, опираясь на которые, он переходил к практическим действиям. Другими словами, он начал проверять свои умозаключения (истинность их выводов) всеми имеющимися у него теоретическими средствами и способами.

Человек это делал тем более тщательно, чем более ответственными были те практические шаги, к которым он намерен был приступить. Так, постепенно у человека выработалась привычка самокритического отношения к своим теоретическим умозаключениям. Это была, так сказать, практика доказывания, которая складывалась под воздействием объективной действительности в процессе исторического развития человека.

Так утвердилась важнейшая черта правильного мышления — *доказательность.*

Действительное мышление, как замечает Ф. Энгельс, имеет за собой долгую эмпирическую историю. Это относится и к такой его черте, как доказательность. Доказательность мышления сложилась в процессе многовековой деятельности человека объективно, независимо от воли думающего, независимо от того, знаком ли доказательно думающий с наукой логикой и ее законами или нет. В этом заключается объективный характер доказательности мышления.

Необходимость доказательного мышления вытекает из основной общественной функции мышления — дать наиболее точное отражение в понятиях человека окружающей его действительности для правильного ориентирования в ней и использования ее для удовлетворения своих потребностей.

Эта издавна установившаяся черта мышления нашла свое выражение в одном из законов логического мышления — законе достаточного основания.

В связи с этим необходимо упомянуть о существующем взгляде, согласно которому закон достаточного основания был введен в науку логику Лейбницем *только* в XVIII веке. Естественно, возникает вопрос, почему же никто из логиков до XVIII в. не обратил внимание на такую важную черту мышления, как доказательность? А может быть, она и сложилась в практике

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 350.

мышления только ко времени Лейбница? В действительности же — ни то, ни другое.

Доказательность, как черта правильного мышления, это отнюдь не продукт XVIII в., а несравненно более раннего периода. Подтверждением этому служат образцы рассуждений древних, дошедшие до нас в письменной форме и подкрепленные их практическими успехами познания действительности.

Логиками эта черта была замечена ранее XVIII в., о чем свидетельствует наличие у древнегреческих атомистов первых попыток сформулировать закон достаточного основания.

Но так как господствующая в средние века феодально-клерикальная реакционная идеология была сугубо враждебна развитию доказательности мышления, то естественно, что и закон достаточного основания в науке логике не нашел своего развития в ту мрачную эпоху.

В период нового подъема наук, в эпоху начального этапа развития капитализма, возникла необходимость и в теории логики обратить внимание на доказательность мышления. Это и сделал Лейбниц. Ему принадлежит заслуга введения в логику четкой формулировки закона достаточного основания.

Требование закона достаточного основания сводится к тому, что *всякое суждение, прежде чем быть принятым за истину, должно быть обосновано.*

Для признания за истину какого-либо суждения нужно иметь основания, но это вовсе не значит, что сама по себе истинность суждения зависит от того, приведем мы основания ее истинности или нет.

Необходимо отметить, что в некоторых пособиях по логике эта сторона вопроса освещается неточно.

Так, в «Логике» В. Ф. Асмуса, например, говорится: «Всякая истина есть не только *верное* суждение, т. е. суждение, соответствующее фактам. Всякая истина есть, кроме того, суждение *обоснованное,* т. е. суждение, высказывание которого сопровождается указанием оснований, в силу которых оно истинно и должно быть признано истинным»[1]. Таким образом, выходит, что истинным будет то суждение, высказывание которого сопровождается указанием оснований.

В действительности же, истинным суждение будет независимо от того, сопровождается ли его высказывание указанием оснований, в силу которых оно истинно, или нет. Истинность суждений *зависит только* от того, соответствуют ли они отраженным в них фактам или нет. Суждение, соответствующее фактам, высказанное без ссылки на основания, в силу которых оно истинно, не перестает быть от этого истинным, ибо истина в марксистском понимании имеет объективный характер.

Другое дело, что тому или иному мыслящему субъекту остается неизвестным факт истинности этой мысли или что она

[1] В. Ф. Асмус, Логика, Госполитиздат, 1947, стр. 314.

не будет нами принята за истину до тех пор, пока не приведены логические основания ее истинности или не получена возможность практически удостовериться в ее соответствии фактам.

Этим-то и вызвана к жизни объективно сложившаяся такая черта правильного мышления, как доказательность, в силу которой человек, логически правильно мыслящий, не склонен принимать ту или иную мысль за истину, пока нет на то достаточных оснований.

Указанная черта нашего мышления, способствующая развитию истинных знаний о мире, есть черта безусловно прогрессивная и потому достойная освещения в теории логики с целью развития и распространения ее.

Мысль о том, что всякая новая теория, прежде чем она может быть принята в качестве руководства к действию, должна быть обязательно доказана как истинная, все больше овладевает человечеством.

Она всегда поддерживалась и развивалась материалистическим направлением в философии. Это же направление всегда стремилось к совершенствованию самих приемов доказательства.

2. Борьба классиков марксизма за доказательность мышления

Чтобы выяснить, как относятся классики марксизма к доказательности мышления, рассмотрим, во-первых, их прямые высказывания по этому поводу и, во-вторых, сам способ их рассуждения по любому конкретному вопросу.

Классики марксизма в своих работах неоднократно подчеркивали, что всякая новая теория должна приниматься человечеством только после доказательства ее истинности; сами они, творцы новых идей, всегда последовательнейшим образом обосновывали выдвинутые ими идеи.

Об отношении Карла Маркса к доказательности мышления нужно судить прежде всего, исходя из его научных трудов. Все труды К. Маркса свидетельствуют об исключительной заботе о том, чтобы каждое утверждение было обоснованным. Показательным в этом отношении является то, что на вопрос, заданный Марксу детьми,— какой его любимый лозунг, он ответил: «Подвергай все сомнению».

Это высказывание нельзя понимать в том смысле, будто бы Маркс был скептиком, не верящим в возможность познания действительности. Наоборот, он всегда отстаивал идею познаваемости мира и своей научной деятельностью блестяще подтвердал это. Поэтому лозунг «Подвергай все сомнению» означал у Маркса необходимость критического отношения к приобретаемым знаниям.

Марксу особенно часто приходилось «подвергать сомнению» высказывания и теории буржуазных идеологов, которые превыше всего ставили защиту узкоклассовых интересов кучки эксплуататоров, а не познание истины. А так как интересы капи-

талистов противоречили объективному освещению вопросов, то они на каждом шагу стремились искажать истину в угоду своим узкоклассовым интересам.

Поэтому «Маркс,— как пишет один из его биографов,— изучил целые библиотеки, перерыл необозримые горы книг и документов, *не принимая на веру ни одного утверждения буржуазных экономистов, философов и историков»* (курсив мой.— *А. Ш.*) [1].

К обоснованию же им самим выдвинутых положений Маркс относился с исключительной принципиальностью и требовательностью, вследствие чего оппоненты никогда не могли упрекнуть его в несостоятельности приводимых им доводов.

Так же принципиально относился и Ф. Энгельс к доказательности. Это можно проследить хотя бы на истории написания «Анти-Дюринга».

В начале второй половины XIX в. Дюринг выступил в роли «новоявленного пророка», которому известна «окончательная истина в последней инстанции». Энгельс тогда говорил, что подобное бывало уже тысячи раз и что следует удивляться тому, что *встречаются* еще *достаточно легковерные* люди, которые верят этому.

В предисловии к своей работе Энгельс указывает на причину, побудившую его заняться критикой новой «социалистической теории» г. Дюринга, «теории», которая вульгаризировала как социализм, так и его философскую основу — диалектический материализм.

Причина эта заключалась в том, что «часть партийной прессы не прочь, именно *ввиду доброй воли г. Дюринга, заодно принять на веру и дюринговскую доктрину* (курсив мой.— *А. Ш.*). Нашлись даже люди, которые уже готовились распространять эту доктрину в популярной форме среди рабочих» [2].

Таким образом, Энгельс решительно выступает против «принятия на веру», т. е. легкомысленного, бездоказательного отношения к «этой заносчивой лженауке» Дюринга.

Дюринг был метафизиком и эклектиком, который проповедывал в своих работах много ложных по существу взглядов. И в силу того, что ложные взгляды нет возможности научно обосновать ссылкой на бесспорные и конкретные факты, Дюринг пытается их протащить при помощи пустозвонных, голословных рассуждений, называя это «суммарным приемом», «*моей* историографией в высоком стиле».

Такой прием очень удобен для Дюринга, последний при его помощи *«вместо того, чтобы что-либо доказывать, может произносить только общие фразы, голословно утверждать и просто громить»* (курсив мой. — *А. Ш.*) [3].

---

[1] Воспоминания о Марксе, М., «Молодая гвардия», 1940, стр. 6.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 5.
[3] Там же, стр. 117.

И самое возмутительное то, что Дюринг, который на каждом шагу попирает существенные черты логического мышления — определенность, непротиворечивость, доказательность, еще имеет наглость обвинять Маркса, труды которого являются образцом логичности, в нарушении... логики. Себя же Дюринг выставляет как защитника логики, а логику — как свою союзницу, восклицая по адресу Маркса: «Но здравая логика, надо надеяться, восторжествует над карикатурой на нее».

И действительно, логика, так беспардонно попранная Дюрингом и взятая под надежную защиту Энгельсом в его «Анти-Дюринге», восторжествовала над карикатурой на нее.

Энгельс буквально на каждом шагу уличает Дюринга в извращении и путанице понятий, в явной непоследовательности и допущении самых непростительных логических противоречий, в необоснованных и голословных утверждениях. Поэтому каждому читающему «Анти-Дюринг» становится ясно, что подлинная логика никак не может быть союзницей Дюринга в его попытке «доказать» несостоятельность марксистской диалектики и что такую естественную, хотя и постыдную, союзницу Дюринг имеет в лице самой низкопробной софистики.

Да иначе и не может быть. Нельзя выступать против диалектики, не нарушая вместе с тем и логики. Нельзя выступать против диалектики, не прибегая к софистике. Выступать против марксистской диалектики — значит выступать против истины, а логика есть естественная союзница в борьбе за торжество истины против ее искажения, в то время как софистика является союзницей в борьбе *против истины* за ее искажение.

Энгельс, отстаивая логичность мышления, дает особенно резкую отповедь Дюрингу за его попытки насаждать голословность и бездоказательность мышления.

Выступая против диалектики, которая приводит этого твердолобого метафизика в состояние невероятной раздражительности, Дюринг, естественно, не может привести против ее истинных положений каких-либо научных аргументов.

В связи с этим Энгельс уличает его в бездоказательности, едко замечая, что «даже более сильный противник, чем г. Дюринг, *обязан* был бы, выступая против диалектики, *представить иные аргументы, чем одно только голословное утверждение и множество ругательств»* (курсив мой.— *А. Ш.*) [1].

Что касается произведений диалектика-материалиста Энгельса, то они всегда отличались высочайшей степенью доказательности. Это Энгельсом достигнуто, кроме прочих условий, при помощи доказательных, обоснованных рассуждений, которые по-настоящему можно осуществить только на основе диалектико-материалистического подхода к изучаемой действительности.

Особенно много внимания вопросу доказательности мышления уделяет в своих трудах В. И. Ленин.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 113.

Так, например, в статье «Заметки публициста» В. И. Ленин резко выступает против таких пороков, как неумение искать точных доказательств по спорным вопросам и принятие на веру заявлений либералов. «Политическая невоспитанность,— пишет Ленин,— ...сказывается, между прочим, в неумении *искать точных доказательств по спорным и важным историческим вопросам, в наивном доверии к восклицаниям и выкрикам, к заверениям и клятвам заинтересованных лиц.*

Вопрос о ликвидаторстве запутан именно потому, что заинтересованные люди (т. е. сами ликвидаторы) не ленятся божиться и клясться, а «публика» ленится искать точных доказательств.

В чем суть вопроса? В отношении к революции и к подполью, в стремлении к массовому рабочему движению.

Что же, разве нет точных доказательств для ответа на фактическую сторону дела по этим вопросам?

Конечно, есть. Надо только *отвыкнуть верить крикунам и либералам* на слово» (курсив в цитате мой.— *А. Ш.*) [1].

Когда встал вопрос о реорганизации Рабкрина, как орудия улучшения работы советского аппарата, Ленин указывал, что туда должны войти «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести...» [2].

Таким образом, если в статье «Заметки публициста» В. И. Ленин расценивает неумение искать точных доказательств как признак «политической невоспитанности», то в приведенном выше отрывке из статьи «Лучше меньше, да лучше» он, в свою очередь, непринятие слов на веру рассматривает, как один из признаков, присущих элементам, «действительно просвещенным». В другом месте В. И. Ленин, как бы выражая свое отношение к бездоказательности, резко замечает: «На слово — верят одни дурачки» [3].

В. И. Ленин подчеркивал необходимость доказательного рассуждения не только в области политической, но и во всех других областях нашей деятельности.

Так, касаясь вопроса о категориях, Ленин писал в «Философских тетрадях», что «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*)...» [4].

Здесь мы опять видим, что В. И. Ленин подчеркивает необходимость доказывания, а не простого описания или утверждения, ибо без доказательного рассуждения невозможно вывести истинных, имеющих объективное значение, категорий.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 200.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 447.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 332.
[4] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 68.

На значение *обоснования* в деле борьбы против буржуазных идей и буржуазного мировоззрения В. И. Ленин указывал также в своей знаменитой работе «О значении воинствующего материализма». «Мы должны понять,— писал Ленин,— что без солидного философского *обоснования* (курсив мой.— *А. Ш.*) никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания» [1].

Таким образом, классики марксизма всегда считали доказательность необходимым свойством правильного мышления. Однако было бы неверно думать, что только сам по себе стиль доказательного изложения мыслей в трудах классиков марксизма обеспечивает им эту непреложную доказательность. Корни этого свойства их произведений следует видеть прежде всего в глубочайшей правдивости, истинности мыслей, заключенных в их трудах.

3. Доказательность и убеждение

Основное в методе руководства Коммунистической партии массами — это убеждение. Коммунистическая партия отстаивает интересы народа и поэтому всегда разговаривает с ним языком правды. Это решающее условие успешного влияния Коммунистической партии на массы. Но было бы ошибочным думать, что при этом условии убеждение масс уже всегда достигается как-то автоматически, самим только *изречением* истины. Нет. Всегда важным является еще и умение преподнести, подать правильные идеи так, чтобы истинность их стала *очевидной*, доходчивой для народа. А для этого надо уметь доказательно изложить идеи Коммунистической партии перед народом, уметь убеждать.

Вот почему активным проводникам политики Коммунистической партии необходимо владеть логическим доказательством, чтобы убеждать массы, ибо при наличии правильной политики партии, ее преданности рабочему классу важнейшее значение приобретает умение *убеждать* массы в правильности своих лозунгов.

Людям, активно борющимся за поддержание и рост доверия трудящихся масс к нашей родной Коммунистической партии, необходимо обратить особое внимание на *умение убеждать*. Такими людьми являются многочисленные ряды партийных и беспартийных советских интеллигентов, лекторов и докладчиков, пропагандистов и агитаторов из числа рабочих и колхозников и т. д.

Все необходимые условия для успешной работы этих пропагандистов и агитаторов даны объективно самой деятельностью нашей партии. Налицо правильная теория партии, правильная политика, преданность партии рабочему классу и ее связь с массами и т. д. Субъективный же фактор — личная роль каждого

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 207.

пропагандиста и агитатора,— кроме всего прочего, должен заключаться в *умении убеждать*. Умея убеждать, они должны превратить объективно сложившуюся *возможность* непрерывного роста доверия масс к партии в *действительность*.

Смысл нашей коммунистической пропаганды заключается, таким образом, в том, чтобы логично, при помощи подлинно доказательных рассуждений на основании фактов или иных достоверных положений, убедить народ в истинности действительно истинных положений. Другими словами, задача заключается в том, чтобы при помощи доказательного изложения вскрыть истину, сделать ее очевидной для масс.

Совсем по-другому задачу пропаганды представляют себе идеологи империалистической буржуазии. Характерным в этом отношении является заявление выразителя идеологии американской империалистической буржуазии Гарольда Ласвеля. «Пропаганда,— заявляет он,— это уступка способности современного мира рассуждать. Гораздо больше может быть выиграно обольщением и обманом, чем принуждением. Публику нельзя убедить логикой, но можно убедить сказками» [1].

Здесь ясно видно, что «способность современного мира рассуждать», иными словами, стремление народа найти ответ на многие вопросы, затрагивающие их кровные интересы, явно не по душе империалистам. Им не могут быть по душе вопросы со стороны пролетариев: почему существует безработица, почему непрерывно снижается жизненный уровень народа, в то время как прибыли монополий безудержно растут, почему расходуются миллиарды народных средств на вооружение, а не строятся школы и больницы, почему проливается кровь народа, когда народ не хочет войны, а хочет мира, и т. д.?

Как на самом деле может Ласвель «убедить логикой» народ в необходимости терпеть безропотно эти бедствия? Никак! Вот апологеты буржуазии и пытаются опутать народы ложью, всячески обмануть их, затуманить их сознание. Это у Ласвеля и называется «убедить сказками».

И наконец, из того факта, что Ласвель отдает предпочтение обману и обольщению как средствам, помогающим эксплуататорам достичь своей цели лучше, чем принуждением, вовсе не следует, что капиталисты не применяют грубого принуждения. Они всегда его применяли и применяют по отношению к тем, кого им не удается «убедить сказками». Не случайно поэтому коммунисты, люди, вооруженные марксистско-ленинской теорией, не дающие капиталистам не только себя обмануть, но и оградающие своей правдивой пропагандой народы капиталистических стран от ложного «убеждения сказками», испытывают на себе все средства принуждения.

Не случайно поэтому и то, что чем труднее капиталистам становится убеждать народ сказками, тем все больше перехо-

[1] См. «Вопросы философии», 1950, № 2, стр. 292.

дят они к прямым формам самого наглого принуждения во всех областях жизни — фашистской диктатуре. Переход к фашистской диктатуре и является показателем предельно обострившихся классовых противоречий между капиталистами и пролетариями, признаком смертельного кризиса капитализма.

В США, например, дубинка террора часто падает на голову ученого, который призывает к доказательным, обоснованным выводам.

Так, например, профессор химии Спитцер был изгнан из Орегонского университета только за то, что он предложил, прежде чем делать выводы о взглядах мичуринцев, изучить подлинные документы о биологической дискуссии в СССР и таким образом установить истину.

Реакционеров всех мастей всегда охватывает животный страх перед истиной. По аналогичному поводу замечательно иронизировал академик И. П. Павлов. Он напомнил, что когда Пифагор сформулировал свою известную теорему, он принес в жертву богам сто быков. Ожидая, пока разгорится жертвенный костер, быки мычали, предчувствуя свой конец. С тех пор повелось так, говорил он, когда открывается истина, скоты мычат. Они предчувствуют свою гибель.

Теперь же «скоты», предчувствуя свою гибель в связи с открытием истины, как это видно на примере с профессором Спитцером, не только мычат, но и бодаются.

Кто обращается к народу со лживыми заявлениями, тот не может доказать логично их истинности.

Идеологи эксплуататоров, ведущие антинародную политику, могут только голословно уверять народ, но при этом их практически-политические действия вступают в непримиримое противоречие с этими голословными заверениями.

Зато идеологи и политики, выражающие интересы народа, всегда могут сказать о своих заявлениях словами В. И. Ленина: «Мы *скажем* и *докажем* (курсив мой.— *А. Ш.*) пролетариату...» [1].

И действительно, все то, что говорила Коммунистическая партия народу, она всегда доказывала это и словом и делом. Вот почему любой руководитель пользуется доверием у народа до тех пор, пока у него слово не расходится с делом.

Доказательность, таким образом, *неразрывно связана с процессом убеждения*, т. е. *приведения кого-либо к состоянию уверенности в истинности или ложности какого-либо положения.*

Состояние убежденности в достоверности того или иного теоретического положения является необходимым условием для уверенного перехода к практическим действиям на основании этого положения. Но нельзя доверяться первому попавшемуся овладевшему нами чувству убежденности в истинности того или иного суждения, так как человек может иногда прийти к нему

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 325.

и под воздействием предрассудков. Такого рода убежденность порочна. Ее вред скажется сразу же при попытке перейти к действию.

Нужно поэтому взглянуть на причины, вызвавшие у нас чувство убежденности. Нужно посмотреть, каким путем мы к нему пришли. А пути эти могут быть различны.

Так, в статье «Как не следует писать резолюций» В. И. Ленин, обращаясь к меньшевикам, говорит: «Если Вы убеждены, что революция кончилась, если из этого вашего (может быть, научным путем полученного?) убеждения вытекает отсутствие веры в революцию, тогда нечего и говорить о революции, тогда надо *свои* непосредственные задачи сводить к борьбе за реформы» [1].

Конечно, убеждения меньшевиков не были получены научным путем, и В. И. Ленин далее критикует их за непоследовательность и нечестность. Но для нас в данном случае особый интерес представляет замечание Ленина о том, что убеждение может быть получено *научным* путем, а следовательно, существуют также и убеждения, полученные *ненаучным* путем.

Таким образом, есть два способа убеждения: *научный* и *ненаучный*. Первый способ убеждения — это убеждение при помощи построения подлинно научных доказательств. Результат его — убежденность в истинности *действительно истинного* положения или ложности *действительно ложного* положения.

Человек, пришедший сам или приведенный кем-либо к убежденности научным путем, станет обладателем объективной истины. Практическая деятельность, основанная на выводах, полученных подобным образом, будет приносить ожидаемые результаты, и тем самым будет подтверждена истинность убеждения.

Второй способ убеждения — это софистическое, ненаучное убеждение. Дело в том, что человека можно привести к состоянию убежденности в истинности или ложности какого-либо положения, пользуясь софистически построенными доказательствами, вследствие чего он окажется убежден в истинности положений, в действительности ложных, или, наоборот, в ложности положений, в действительности истинных.

В одной из своих статей В. И. Ленин указывает на существование целых сборников математических софизмов, при помощи которых «строго логичным, на первый взгляд, путем,— доказывается, что дважды два пять, что часть больше целого и т. д.» [2]. Все дело в том, что логичным такое доказательство может показаться только «на первый взгляд». При более же внимательном рассмотрении станет ясно, что такое доказательство является порочным с логической стороны, что мысль, доказываемая таким образом, с действительно логической точки зрения остается совершенно необоснованной.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 197.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 78.

При помощи таких доказательств создается *видимость* доказательности. В действительности же ее нет, мысль остается необоснованной. Человек, кем-либо приведенный к убежденности такими умышленно применяемыми софистическими доказательствами или сам пришедший к подобному убеждению, не осознавая порочности своих рассуждений, будет пребывать в заблуждении. Переход к практическим действиям на основании подобных знаний не даст ожидаемых результатов.

Поэтому надо приобретать умение видеть, распознавать и разоблачать те софистические уловки и хитросплетения мысли, при помощи которых создается ложная обоснованность, порождающая убежденность в истинности некоторых ложных положений. Прежде всего этому содействует изучение логики. Кроме того, это умение вырабатывается, в частности, при помощи упражнения в разоблачении различного рода софизмов, в том числе и математических. В этом смысле и следует понимать замечание В. И. Ленина о пользе для учащихся указанных выше сборников математических софизмов.

Как на один из видов *ненаучного* убеждения можно указать на *убеждения, основанные на предрассудках.* Нелогичность подобных убеждений прекрасно высмеял великий сатирик А. П. Чехов в рассказе «Не судьба».

Помещик Шилохвостов ехал на выборы участкового мирового судьи. Вдруг он «беспокойно задвигался и вперил взор вперед на дорогу. Затем он побагровел, плюнул и откинулся на задок.

— Так и знал! Чуяло мое сердце! — пробормотал он, снимая фуражку и вытирая со лба пот.— Опять не выберут!

— Что такое? Почему?

— Да нешто не видишь, что отец Онисим навстречу едет? Уж это как пить дать... Встретится тебе на дороге этакая фигура, можешь назад воротиться, потому — ни черта не выйдет. Это уж я знаю! Митька, поворачивай назад!» [1].

Такая убежденность ничего общего с научностью не имеет. Подобное рассуждение с логической точки зрения приобретает характер ошибки, называемой «после этого, значит вследствие этого». Сущность этой ошибки заключается в том, что следование одного явления за другим во времени принимается как доказательство их причинной связи.

Существует еще один способ «убеждения». Это — «убеждение» с помощью принуждения, с помощью, как говорят, «палочных доводов».

Так, в языкознании сторонники Марра для защиты своих взглядов создали аракчеевский режим по отношению к тем ученым, которые критиковали «теорию» Н. Я. Марра. Таких ученых снимали с занимаемых ими постов или снижали по должности. Это, как мы видим, способ заставить человека отка-

---

[1] А. П. Чехов, Соч., т. 4, М., 1946, стр. 338.

заться от его взгляда или принять как «истинный» чей-либо взгляд под давлением силы, нажима, угрозы, физического или административного, экономического или иного воздействия на убеждаемого. Он чужд самому духу советской науки.

Ясно, что такие способы «убеждения» в «истинности» взглядов Н. Я. Марра не могли способствовать развитию науки о языке.

Подменять убеждение принуждением — это значит вместо идейной борьбы вести борьбу иного рода — административную, физическую и т. д. Конечно, нельзя отрицать в определенных условиях необходимости и тех и других форм борьбы, но путать их недопустимо и применять одну там, где нужна другая, нельзя.

Каждый вид борьбы правомерен и применим в строго определенных условиях, так как *цели* и средства их различны. Это справедливо как в отношении науки, так и в отношении политики.

Много важных мыслей об этом высказано Лениным в работе «По поводу одной статьи в органе Бунда» (декабрь 1906 года).

В. И. Ленин в этой статье указывает: «Бороться с реакцией значит прежде всего оторвать массы идейно от реакции. Но сила и живучесть идейного влияния «реакции» на массы заключается вовсе не в черносотенном, а *именно в кадетском влиянии*. Это не парадокс. Черносотенец — враг открытый и грубый, который может жечь, убивать, громить, но не может убеждать даже серого мужика. А кадет *убеждает* и мужика, и мещанина и убеждает в чем? в том, что монарх безответственен, что возможно мирным путем (т. е. оставляя власть за монархией) добиться свободы, что выкуп, подстроенный помещиками, есть самая выгодная для крестьян передача им земли и т. д. и т. п.

Поэтому нельзя убедить в необходимости серьезной борьбы ни наивного мужика, ни наивного мещанина, не подорвав влияния на него кадетских фраз, кадетской идеологии. И кто говорит: «надо бороться с реакцией, *а не* с к.-д.», тот не понимает *идейных* задач борьбы, тот сводит суть борьбы не к убеждению масс, а к физическому воздействию, тот вульгарно понимает борьбу: дескать реакцию «бей», а кадета «бить» не стоит.

Конечно, бить с оружием в руках мы будем пока не кадета, и даже не октябриста, а *только* правительство и его прямых слуг. ...Но, чтобы на деле побить реакцию, надо освободить массы от идейного влияния кадетов, лживо представляющих этим массам задачи и суть борьбы с реакцией»[1].

Таким образом, В. И. Ленин убедительно показывает, что *суть идейной борьбы нужно видеть в убеждении.*

Форма идейной борьбы, цель которой убедить массы в правильности того или иного конкретного лозунга партии, бывает в конкретных исторических условиях *необходимым* звеном в осуществлении очередных задач классовой борьбы пролетариата.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 344—345.

Именно этим объясняется историческое значение победоносной идейной борьбы Ленина со всяческими врагами Коммунистической партии.

Так, например, без идейного разгрома Лениным экономизма невозможна была бы победа марксизма в России.

А что собой представляет в плане рассматриваемого нами вопроса о доказательности эта идейная победа?

Это был результат обоснованного, *доказательного*, а поэтому *убеждающего* массы изложения глубоко истинных взглядов большевиков по важному политическому вопросу.

Такое идейное, теоретическое убеждение при помощи подлинно доказательного мышления собирало и увеличивало число единомышленников марксизма до массы.

Неправильно было бы представлять убеждение масс (в процессе идейной борьбы) как самоцель. Убеждение — это только средство для достижения более высоких и важных целей классовой борьбы пролетариата. Поэтому довольствоваться только идейными победами, останавливаться на моменте идейного единства нельзя. Идейную победу надо было закрепить материально, идейное единство надо закрепить единством организационным. На это указывал В. И. Ленин в работе «Шаг вперед, два шага назад», когда говорил, что «пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что *идейное объединение* его принципами марксизма *закрепляется материальным единством организации* (курсив мой.— *А. Ш.*), сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса» [1].

Таким образом, остановиться на этапе идейной победы — это значит остановиться на полпути.

За единством мыслей должно следовать единство действий, ибо каждый убедившийся в правильности большевистских взглядов становится их сторонником, желающим помочь их осуществлению. А за этим, в свою очередь, следует их участие в практической, политической борьбе.

Так идея, овладевшая массами, превращается в реальную, практически ощутимую, материальную силу.

Критика Лениным несостоятельности взглядов политических противников Коммунистической партии убеждала массы в неправильности взглядов последних и уменьшала до предела число их единомышленников. Это и означало их идейный разгром, который приводил к тому, что лидеры оппортунизма и в организационном отношении оказывались генералами без армий. Идейный разгром оппортунизма приводил к организационному развалу его рядов.

Следовательно, с другой стороны, идея перестает быть материальной силой, как только она перестает владеть массами. Это также достигается доказательной, обоснованной критикой взгля-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 383.

дов идейных противников, в результате чего появляется убежденность масс в ошибочности их прежних взглядов.

Значение идейной борьбы хорошо видно хотя бы на примере идейного разгрома враждебной марксизму народнической идеологии, без чего невозможно было бы создание коммунистической партии в России. «Надо было до конца идейно *разгромить* народничество, чтобы обеспечить дальнейшее распространение марксизма и возможность создания социал-демократической партии.

Эта работа была проделана Лениным» [1].

4. Значение доказательности мышления

Доказательность мышления имеет большое значение не только в области политической деятельности, но и во многих других областях, в частности в области научной и педагогической. Объясняется это следующим.

Во-первых, *бездоказательное* изложение верных марксистских положений оставляет у читателя или слушателя неясным вопрос, *почему* они верны. И если даже у слушателя не возникает сомнений насчет истинности сообщенных ему лектором положений в силу того, что они высказаны классиками марксизма-ленинизма, то и в таком случае бездоказательность приносит вред, ибо в сознании слушателя остаются догматически усвоенными марксистские положения без знания того, в силу каких исторических условий классики марксизма-ленинизма считали данные положения истинными.

Это в свою очередь приводит к тому, что знание, приобретенное таким начетническим, талмудистским путем, будет лежать мертвым багажом в памяти учащегося и не сможет быть в полной мере использовано как руководство к действию, ибо усвоение материала в данном случае было не творческим.

Коммунистическая партия ведет борьбу за то, чтобы наша молодежь *творчески* овладевала марксистско-ленинской теорией, ибо без этого невозможно использовать теоретические положения марксизма как руководство в нашей практической деятельности, не говоря уже о том, чтобы развивать его. А творчески овладеть марксизмом нельзя без доказательного мышления.

Во-вторых, *голословное* отрицание ложных теорий также не будет достигать цели, ибо такая поверхностная критика не вскрывает до корней ложности тех или иных идеалистических взглядов и не дает возможности их выкорчевать. А раз остаются в сознании невыкорчеванными корни ложных взглядов, то из них опять легко могут вырасти и сами взгляды-сорняки.

Голословная критика ложных взглядов, если она и ведется с материалистических позиций, будет только критикой с позиций вульгарного, а не диалектического материализма. «Плеха-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 20.

нов,— пишет в «Философских тетрадях» В. И. Ленин,— критикует кантианство (и агностицизм вообще), более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, *поскольку* он лишь a limine *отвергает* их рассуждения...» [1].

Таким образом, Ленин призывает вести критику агностицизма обоснованно, а не просто отвергать «с порога» положения агностиков, не вскрывая причин их несостоятельности и условий, способствующих их возникновению, ибо, как пишет В. И. Ленин, «философский идеализм есть *одностороннее,* преувеличенное, überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный» [2].

Обоснованная глубокая критика идеализма, партийное изложение материала всегда должны обретать форму доказательного рассуждения.

Требование доказательного изложения материала в процессе обучения в советской высшей и средней школе является нормой. Иначе и быть не может в Советской стране, где обучение строится на гранитном фундаменте диалектического материализма.

Те или иные проявления бездоказательного изложения материала учащимися рассматриваются у нас, как отклонение от нормы, с которым надо вести решительную борьбу. При этом перед преподавателями всех дисциплин ставится требование вести обоснование тех или иных положений науки учащимся до познания ими объективно существующих закономерностей самой реальной действительности.

Советская школа не только дает определенные знания, но и воспитывает умение критически к ним относиться. Она выступает против воспитания у учащихся голословного доверия к авторитету преподавателя. Она воспитывает любознательность у учащихся, как залог дальнейшего их умственного развития. В этом отношении советской школе чужда та схоластическая мертвечина, которая процветала в обучении в эпоху средневековья, где на вопрос, почему что-либо так, а не иначе, считался вполне удовлетворительным ответ: «так учитель сказал».

В значительно большей степени этот же принцип бездоказательного «обучения» применяется сейчас в школах капиталистических стран как средство оболванивания молодежи.

До какого маразма доходит подчас в этом отношении буржуазная наука, видно из того, что задача отучить людей мыслить становится целью преподавания даже такой дисциплины, как логика. Так Бертран Рассел прямо заявляет: «логику следует проходить в школах с целью обучать учеников не рассуждать» [3].

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 154.
[2] Там же, стр. 330.
[3] См. «Вопросы философии», 1952, № 4, стр 139.

Империалисты требуют от армии педагогов в капиталистических странах осуществления на практике этих «теоретических» установок Рассела, так как они вполне отвечают их классовым интересам полного духовного и экономического порабощения своих же собственных народов. Реакционные классы охватывает панический страх от одной мысли о том, что народ будет уметь думать, да еще доказательно. Ведь так народ и до правды очень скоро додумается, а правда-то против капитализма, она всецело на стороне социализма.

Народы капиталистических стран с удовольствием отмечают тот факт, что на земном шаре все более сужается поле деятельности для подобных гробокопателей от науки, которые само мышление человека считают «результатом нездоровья».

Прогрессивные люди всего мира безгранично рады тому, что существует оплот культуры и науки, света и разума, справедливости и прогресса — Союз Советских Социалистических Республик, где Коммунистической партией ведется героическая борьба за непрерывное повышение культуры во всех областях деятельности всех советских людей, в том числе ведется борьба и за повышение культуры логического мышления народа.

Все это налагает на нас особую ответственность в деле борьбы за дальнейший подъем культуры логического мышления советской молодежи.

Борьба за воспитание культуры логического мышления в процессе преподавания обязательно должна включать в себя и борьбу за такой составной элемент ее, как доказательность мышления. Это обязывает обучающих к доказательному изложению материала.

Доказательное изложение материала в противовес догматическому, хотя может быть иногда и истинному по содержанию, имеет несравненно бóльшую ценность, так как такое изложение вооружает учащегося не только готовыми знаниями, но и в какой-то степени опытом получения этих знаний, критического к ним отношения.

Следует учитывать, что бездоказательное изложение материала порождает неверное, извращенное представление о науке, как о сумме готовых истин, оно содействует складыванию метафизического взгляда на природу нашего познания. В этом смысле очень удачным следует признать замечание М. Горького о том, что науку следует показывать, как мастерскую, а не как склад готовых изделий.

Необходимость доказательного изложения материала в процессе обучения относится как к устному (на лекциях), так и к писанному (в учебниках, учебных пособиях и т. д.) его изложению. Стиль изложения должен быть «ясным, точным и *убедительным*»[1]. А достичь убедительности возможно только при по-

[1] А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», Госполитиздат, 1952, стр. 5.

мощи доказательного изложения учебного материала. Таким образом, требование убедительности стиля — это, другими словами, требование доказательного изложения предмета.

В нашей стране придается огромное значение доказательности всех видов научной продукции. Работы, страдающие голословностью, поддаются критике и возвращаются на доработку.

Так, в журнале «Вестник высшей школы» сообщалось, что Высшей аттестационной комиссией была возвращена на доработку докторская диссертация Н. П. Лубовского потому, что «ряд своих наблюдений т. Лубовский предлагает просто принять на веру, не объясняя их и не подкрепляя доказательствами»[1].

В Америке же, например, наоборот, законом подчас преследуются попытки научного, а следовательно, и подлинно доказательного освещения даже таких вопросов, которые безусловно доказаны и признаны в науке.

Как, например, в США можно обоснованно, не голословно изложить учащимся вопрос о происхождении человека, если законом карается иное, чем дано в библии, объяснение происхождения человека? Закон штата Теннесси гласит: «Будет беззаконно для каждого учителя в каждом из университетов, в каждой нормальной или другой общественной школе штата, содержащейся целиком или частично на общественные школьные фонды штата, обучать всякой теории, которая отрицает рассказ о божественном сотворении человека, как учит библия, и обучать вместо сего, что человек произошел от низшего порядка. Будет далее установлено, что всякий учитель, найденный виновным в нарушении сего закона, будет виновен в преступлении». В таких условиях преподаватель может только «уверять» и «заверять», что человек сотворен богом из куска глины, но, конечно, не сможет и помыслить о подлинно научном доказательстве такого положения. Когда молодой учитель Дайтонской высшей школы Джон Томас Скоупс попытался дать учащимся освещение этого вопроса не по библии, а согласно теории Дарвина, то он попал на скамью подсудимых.

Подобные законы действуют и поныне не только в штате Теннесси, а и в штатах Алабама, Орегон, Арканзас и др.

Ясно, что в условиях современной американской действительности господствующие классы заинтересованы в том, чтобы вдалбливать в головы народа ложные представления о действительности, а следовательно, и в том, чтобы распространять и поддерживать голословность, воспитывать голое доверие к заявлениям идеологов империализма.

* * *

Рассмотрение доказательности, как черты правильного мышления, позволяет сделать некоторые выводы.

Рассуждая о действительности, человек всегда стремился к наиболее точному познанию сущности отражаемой действи-

---

[1] «Вестник высшей школы», 1953, № 9, стр. 29.

тельности. В силу этого человек оказался вынужденным критически относиться к результатам своего мышления, так как в процессе познания нередко возникают ошибки и неточности.

Человек оценивал истинность своих выводов при помощи сопоставления их с предыдущими знаниями и наблюдениями, уже проверенными на практике. Так появилась доказательность мышления.

Подлинная доказательность мышления может быть достигнута только при диалектическом подходе к изучаемой действительности. Следует указать также и на то, что подлинная доказательность мышления не может быть обеспечена изолированно от других черт правильного мышления.

В случае верного отражения действительности в мыслях человека мышление всегда будет обладать чертами и диалектичности, и логичности, хотя бы складывающимися и стихийно, неосознанно для думающего.

Доказательность мышления в ходе обмена мыслями должна быть обоюдной, как со стороны излагающего свои мысли, так и со стороны слушающего, воспринимающего их.

Значение доказательности, рассмотренное выше в области политической, научной и педагогической деятельности, позволяет сделать вывод об исключительной важности ее во всех случаях познавательной деятельности человека.

Рассмотренные примеры и положения показывают, что идеалисты и метафизики в практике своих рассуждений допускают на каждом шагу бездоказательность, голословность. К этому неизбежно приводит ложность их исходных посылок. В теории же они защищают невозможность доказательного, обоснованного знания о действительности, ведут проповедь бездоказательности, отрицая существование объективно необходимых норм мышления, проповедуют основанный на субъективизме полный алогизм, чем защищают в области логики (и философии вообще) интересы эксплуататорских классов.

Идеологи самого передового и до конца революционного рабочего класса *теоретически защищают доказательность мышления* как условие, способствующее верному отражению действительности, и осуждают бездоказательность, как средство, способствующее созданию, поддержанию и распространению ложных представлений о действительности.

Классики марксизма-ленинизма во всех трудах дают нам *конкретные примеры подлинно доказательного мышления,* примеры беспощадного разоблачения бездоказательности, голословности в рассуждениях идеалистов и метафизиков. Этой стороной своей деятельности они создали для нас те классические образцы, на которых нужно учиться важному искусству обоснованных рассуждений и умению вскрывать фальшь ложных рассуждений, как бы она хитро не была замаскирована.

Глава II. **Тезис доказательства и правила относительно тезиса** . 31
1. Тезис доказательства 31
2. Правила относительно тезиса доказательства . . . 35
а) Первое правило 36
б) Второе правило 44
в) Третье правило 49

ГЛАВА II

ТЕЗИС ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ПРАВИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕЗИСА

1. Тезис доказательства

Для выяснения сути доказательства и его роли в процессе познания прежде всего следует обратить внимание на некоторую специфику получения наших знаний о действительности, ибо специфика приобретения знаний накладывает свой отпечаток и на способ их обоснования.

Все знания в конечном итоге происходят из опыта. Это верно. Но сам опыт в различных случаях может выступать по-разному, и поэтому наши знания по своему непосредственному происхождению будут носить различный характер, а следовательно, как это будет показано в дальнейшем, и их проверка может носить несколько различный характер.

Как уже отмечалось, для установления истинности наших суждений приходится часто прибегать к построению логических доказательств, так как в истинности знаний *непосредственных* мы можем убедиться, главным образом, при помощи ощущений, а для удостоверения в истинности знаний *опосредствованных* необходимы логические доказательства.

Примером первых могут служить суждения: «сейчас на дворе гроза», «эта жидкость имеет сладковатый привкус» и т. д. К суждениям же другого рода относятся наши суждения о структуре вещества, о прошлом состоянии Земли и т. д.

Знания опосредствованные представляют собой суждения, полученные как вывод из других суждений. Таким образом, способ получения опосредствованных знаний — умозаключение.

Возникает вопрос: можем ли мы получить таким путем истинные знания, и если можем, то при каких условиях?

Ф. Энгельс четко указал условия, при которых мы можем получить истинные знания в выводе умозаключения: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним зако-

ны мышления, то результат должен соответствовать действительности...» [1].

Если же указанные требования не соблюдены, то вывод в таком случае не будет *необходимо* истинным. Может, конечно, создаться такое положение, что вывод в том или ином случае окажется соответствующим действительности и при нарушении этих требований, но это уже случайность (как возникают такие положения, будет показано ниже).

Цель доказательства и состоит в том, чтобы научным путем убедиться в истинности наших знаний, удостовериться в истинности полученного вывода. Поскольку речь идет о выводных знаниях, то для этого, следуя указанию Энгельса, необходимо проверить, во-первых, верны ли наши предпосылки и, во-вторых, правильно ли мы к ним применили законы мышления. Это и осуществляется в ходе логического доказательства, которое можно пока кратко определить, как *логический прием обоснования истины.*

В этом процессе необходимо различать три момента, наличествующие во всяком доказательстве: тезис, аргументы и демонстрацию. Рассмотрим каждый из них в отдельности с тем, чтобы затем рассмотреть их взаимоотношения и таким образом лучше уяснить сущность доказательства.

Сначала рассмотрим такую составную часть доказательства, как тезис.

Тезисом называется суждение, обоснование истинности которого мы осуществляем.

Обозначают это суждение в процессе доказывания различным образом. В одном случае говорят: «Мой тезис следующий», в другом — «Я выдвигаю положение» и т. д. Очень часто высказывается какое-либо положение и ведется его обоснование без специального указания на то, что это тезис.

Такое или по существу подобное определение тезиса дается в большинстве исследований.

Так, проф. К. С. Бакрадзе, разбирая состав доказательства, указывает, что в его состав входит прежде всего «доказываемое положение, или тезис; тезис — это суждение, которое задано и истинность которого нужно доказать» [2]. Здесь мы ясно видим, что автор, во-первых, определяет тезис так, как было указано выше, и, во-вторых, отождествляет понятия «доказываемое положение» и «тезис».

Следует указать и на существование иного взгляда, согласно которому «доказываемое положение» следует отличать от тезиса. Такая точка зрения была выдвинута русским логиком С. И. Поварниным. «Вывод доказательства (суждение, в *котором* утверждается истинность или ложность другого суждения) условимся называть *положением* доказательства, — пишет Поварнин. — То

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 317.
[2] К. Бакрадзе, Логика, Тбилиси, 1951, стр. 440—441.

суждение, истинность или ложность которого утверждается в положении, будем отмечать названием: «тезис доказательства». Таким образом, тезис всегда *заключается* в положении и служит субъектом его» [1].

Подобное различение тезиса и доказываемого положения у Поварнина связано со своеобразным определением самого доказательства. Нам же оно представляется нецелесообразным.

Дело в том, что сказать «мой тезис состоит в утверждении: Марс имеет растительность» или сказать: «мое положение: Марс имеет растительность — истинно»,— это по существу вести речь о тех же явлениях действительности.

Подобное искусственное усложнение излишне. Это не противоречит тому, что предметом нашей мысли может быть не только внешний мир, но и суждение о нем.

Итак, тезисом мы будем называть суждение, истинность которого обосновывается в ходе данного доказательства.

Возникает вопрос, можно ли классифицировать каким-то образом тезисы доказательства?

Известно, что всякая наука должна стремиться классифицировать изучаемый ею материал. Но оказывается, что логики еще не приступили к классификации тезисов.

Может быть, они исходили из того, что тезис выражается в форме суждения, а вопросы классификации суждений решаются в учении о суждении, следовательно, в теории доказательства остается только воспользоваться готовыми результатами этой классификации. При этом следует заметить, во-первых, что и эту общую классификацию суждений мы еще недостаточно используем при решении вопросов доказательства и, во-вторых, что общая классификация суждений не может в данном случае нас вполне удовлетворить, так как она не учитывает специфики суждения-тезиса.

Для отражения специфики различных видов тезисов их следует прежде всего поделить на *расчленяемые* и *нерасчленяемые*.

Расчленяемым будем называть такой тезис, истинность мысли которого мы доказываем по частям. *Нерасчленяемым* — такой, истинность которого доказывается в целом.

Основанием деления тезиса на виды в данном случае будет *способ его обоснования*: обосновывается он целиком или по частям. Это зависит от конкретных обстоятельств доказывания, а не от того, относится ли суждение-тезис к разряду сложных суждений по их общей классификации или к простым.

Так, например, тезис «Все бригады нашего колхоза подготовились к весеннему севу» с точки зрения общей классификации суждений выражен простым суждением, а доказываться он может по частям и в таком случае должен быть отнесен к виду расчленяемых тезисов. Это происходит в том случае, когда

---

[1] С. И. Поварнин, Логика, Птгр., 1916, стр. 178.

мы отдельно доказываем истинность *частных* тезисов: «Первая бригада подготовилась к весеннему севу», а затем отдельно истинность другого частного тезиса: «Вторая бригада подготовилась к весеннему севу» и, наконец, то же в отношении третьей бригады. Допустим, что в колхозе всего и есть только три бригады. Тогда на основании истинности частных тезисов по способу логической индукции доказываем истинность общего первичного тезиса.

Расчленяемый тезис не может быть доказан при помощи простого доказательства, осуществляемого в форме одного умозаключения.

Когда тезис доказывают по частям, то обоснование его *обязательно* принимает форму сложного доказательства.

Что же касается *нерасчленяемого* тезиса, то его обоснование может осуществляться как в форме простого, так и в форме сложного доказательства.

Расчленяют тезис в процессе доказательства в том случае, если различные части его по-своему аргументируются. Возьмем тезис «Советский и немецкий народы кровно заинтересованы в объединении Германии в единое демократическое государство мирным путем». Этот тезис также можно обосновывать расчленённо. Сначала показать справедливость предиката по отношению к одной части сложного субъекта — советского народа, а затем по отношению к другой его части — народа немецкого. Такое расчленение может быть тем более оправданным, что мотивы, в силу которых советский и немецкий народы заинтересованы в объединении Германии, несколько отличны.

Учитывать наличие этих видов тезисов доказательства нужно для того, чтобы яснее видеть структуру конкретных доказательств и, следовательно, четче и доходчивей проводить их обоснование.

Следует провести еще одно деление тезисов на виды. Речь идет о тезисах в сложных доказательствах. В сложных доказательствах, как известно, обосновывается не только выдвинутый тезис, но и аргументы, непосредственно его подтверждающие, а иногда и аргументы этих аргументов. В подобном случае мы будем иметь в одном доказательстве ряд суждений-тезисов.

Тезисы сложного доказательства целесообразно разделить на *основной тезис сложного доказательства и вспомогательные.*

Основным тезисом сложного доказательства называется тот тезис, который является главной целью доказательства и поэтому в ходе данного доказательства нигде не выступает в качестве аргумента.

Те же суждения-тезисы, обоснование истинности которых в ходе сложного доказательства не представляет самоцели, а служит лишь средством для получения аргументов, подтверждающих истинность основного тезиса, следует назвать *вспомогательными тезисами сложного доказательства.* Характерной осо-

бенностью их есть то, что все они в этом же доказательстве выступают одновременно и в роли аргументов.

Вспомогательный тезис *обязательно* должен выступить в качестве аргумента, иначе это будет никому ненужное, запутывающее суть дела усложнение доказательства.

Знание взаимосвязи этих видов тезисов должно оказать пользу при построении сложных доказательств.

Мы должны следить за тем, чтобы основной тезис сложного доказательства не был бы использован как аргумент в ходе данного доказательства, ибо это приведет к логической ошибке — круг в доказательстве.

Кроме того, нужно следить за тем, чтобы сложное доказательство не обрывалось на обосновании вспомогательного тезиса, так как в противном случае мы бы допустили другую логическую ошибку — своеобразную подмену выдвинутого тезиса.

Перейдем к рассмотрению тех требований, которым должен удовлетворять всякий тезис доказательства.

2. Правила относительно тезиса доказательства

Правила доказательства являются своего рода *конкретизацией* общих законов логики: закона тождества, закона противоречия, закона исключенного третьего и закона достаточного основания. Во всяком рассуждении эти законы должны соблюдаться, ибо они способствуют правильному отражению действительности в нашем сознании. Хотя они и действуют в тесном единстве между собой, однако это не лишает нас возможности видеть действие одного из законов мышления в том или ином рассуждении, отвлекаясь на время от других.

Поэтому мы можем указать на нарушение одного из указанных законов в том или ином конкретном случае, хотя необходимо подчеркнуть, что нарушение требований одного закона связано с нарушением требований других законов, допущенных ранее.

Это же относится к группам логических правил: правилам определения понятий, доказательства и др. Внутри каждой группы правила взаимосвязаны точно так же, как взаимосвязаны между собой и целые группы этих правил. Необходимо, конечно, самостоятельно рассматривать отдельные правила доказательства, но при этом нельзя забывать, что в действительности все они выступают в единстве. Это положение можно будет проиллюстрировать хотя бы взаимосвязью правил относительно тезиса доказательства.

Если мы говорим, что правила доказательства есть конкретизацией общих законов логического мышления, то это значит, что законы мышления несколько своеобразно проявляются в различных процессах мышления, в различных формах мышления.

Так, например, закон тождества по-одному будет преломляться в процессе умозаключения (правило о количестве терминов силлогизма) и по-другому в процессе определения понятий

(правило о том, что определение должно быть соразмерным) Таким образом, видим, что один и тот же закон логики разрастается в ряд конкретных правил для различных процессов мышления.

Но было бы несправедливым не заметить при этом и другого явления, а именно того, что в одном правиле, сформулированном для того или иного процесса мышления в определенном смысле, фиксируются, синтезируются требования нескольких законов логики.

Об этом будет свидетельствовать уже первое правило доказательства. Прежде всего, оно отражает требование закона тождества в смысле определенности наших суждений. Но вместе с тем это правило в какой-то степени отражает и требование закона достаточного основания — а именно в том смысле, что те или иные понятия должны с достаточным основанием употребляться для выражения того, о чем идет речь в тезисе. То же можно сказать и о законе противоречия — и он в некотором смысле должен действовать при реализации требований первого правила доказательства. На самом деле — разве может быть ясность в тезисе, если он будет суждением утвердительным, а его субъект и предикат будут понятиями несовместимыми? Конечно, нет, ибо в таком случае тезис будет неясен, противоречив, а это уже будет нарушением требований закона противоречия.

а) Первое правило

Всякий тезис формулируется в виде той или иной формы логического суждения. Логическое суждение существует, формулируется и передается другим людям в такой языковой форме как предложение.

В ходе дискуссий нам приходится доказывать свой тезис подчас очень разнообразной по составу аудитории. Поэтому мы должны облекать наши мысли в четкие языковые формы, ибо язык, как указывал Маркс, есть непосредственная действительность мысли. Это положение нами обязательно должно учитываться, когда речь идет о тезисе доказательства и тех правилах, с ним связанных, которых необходимо придерживаться в ходе его обоснования. Если реальность мысли проявляется в языке, то такая форма мысли, как суждение, реализуется в такой языковой категории, как предложение. Не учитывать эту связи нельзя.

Зачастую взаимоотношения языка и мышления идеалистически извращаются. В одном случае дело представляется так, будто мышление может развиваться без языка, а общение людей может осуществляться при помощи чистого мышления. В другом же, как это делают представители модной на Западе идеалистической школы семантиков, сущность мышления сводится к языку.

Как одно, так и другое идеалистическое решение этого вопр

са грубо искажает действительную природу отношений между языком и мышлением. Оба эти решения фактически упраздняют сам вопрос о взаимоотношении языка и мышления.

Чтобы понять их взаимоотношения, нужно учитывать следующее.

Мышление есть явление общественное, оно выполняет специфическую функцию в сложном общественном организме. Мышление, как процесс отражения, является как бы аккумулятором опыта человека. Но опыт одного человеческого индивидума ничтожно мал по сравнению с суммой опыта всего человеческого коллектива. Поэтому, естественно, человек стремится к обмену опытом, знаниями, не говоря уже о том, что обычно трудовые процессы выполняются человеком в тесном содружестве со многими другими людьми, что также требует взаимопонимания между людьми.

Обмен знаниями, мыслями ведется в человеческом обществе при помощи языка. Мышление не могло бы выполнить своей специфической общественной функции, если бы на всех этапах своего развития не было связано с языком как средством общения между людьми.

Язык, обладая относительно небольшим количеством «строительного материала» (основной словарный фонд), может вполне удовлетворительно выразить бесконечное множество самых разнообразных оттенков мысли благодаря тому, что отдельные слова могут в самых различных выражениях сочетаться друг с другом по общепринятым правилам грамматики языка.

Тезис доказательства также следует облечь в языковую оболочку, иначе мы не сможем сообщать его аудитории, оппонентам. Сделать же это можно, кроме всего прочего, при помощи грамматики, которая дает правила об изменении слов, правила для составления предложений. Облекая тезис нашего доказательства в языковую оболочку, мы должны строго соблюдать правила грамматики, иначе рискуем быть непонятыми. И тогда никакое доказательство неосуществимо.

Здесь же надо подчеркнуть, что воплощение тезиса в правильную языковую оболочку является не самоцелью, а лишь средством, обеспечивающим возможность наиболее точно передать содержание тезиса. Конечно, достижение этой цели зависит не только и не столько от соблюдения правил грамматики, сколько, прежде всего, от того, как точно уяснил себе доказывающий содержание выдвигаемого им тезиса, насколько точно он его конкретизировал.

Марксизм, как известно, учит, что истина всегда конкретна, что всякое положение является истинным для своих определенных конкретных условий. Вне этих условий истина может превратиться в свою противоположность — заблуждение. А так как тезис является суждением, истинность которого мы должны обосновать, то он по содержанию должен быть точно определен.

В силу этих двух приведенных выше соображений *первое правило* относительно тезиса будет следующим: *тезис должен быть суждением, строго определенным по содержанию и выраженным в соответствующей этому содержанию языковой форме.*

Не случайно эти два требования соединены в одном правиле. Этим лишний раз подчеркивается неразрывная связь языка и мышления во всех процессах речи и мышления.

И действительно, тезис это та часть доказательства, которая отвечает на вопрос, что доказывается, т. е. какая именно мысль доказывается. Но чтобы верно ответить на этот вопрос, необходимо точно определить содержание тезиса, другими словами, точно определить ту часть действительности или те отношения между явлениями действительности, о которых будет идти речь. Нужно точно уяснить, о чем говорить, и грамотно в языковом отношении это сформулировать. К последнему относится как соответствующее правилам грамматики соединение слов в предложении, так и подбор наиболее точно обозначающих соответствующую действительность терминов.

В этом отношении показательна критика Лениным «тактической платформы» меньшевиков, с которой они выступили в 1907 г. в связи с предстоящим V съездом партии. «Тактическая платформа» страдает крайней расплывчатостью и неопределенностью формулировок,— писал Ленин.— Чтобы показать это, приведем полностью три заключительных тезиса платформы, излагающих «очередные задачи с.-д.-тии в ближайший перод», причем начнем с 3-го тезиса:

Третий тезис гласил: «...3) Развитие политической и организационной самодеятельности рабочих масс на почве отстаивания ими своих интересов, как класса наемных рабочих. Содействие со стороны партийных групп организационному строительству, развивающемуся среди широких слоев пролетариата на почве удовлетворения его ближайших профессиональных, политических и культурных потребностей, на почве борьбы за сохранение и расширение вырываемых ими у старого порядка уступок».

«Можно ли себе представить что-нибудь более расплывчатое, туманное, бессодержательное?» [1],— спрашивает об этом тезисе меньшевиков В. И. Ленин.

Далее В. И. Ленин указывает, что в порядке дня съезда поставлены конкретные вопросы, тогда как «нас угощают общими местами и фразами о «самодеятельности», точно нарочно желая *скрыть свои мысли* по выдвинутым жизнью и поставленным партией вопросам!» [2].

Дискуссия только в том случае может достигнуть результата, если ее участники будут ясно высказывать свои мысли и их обосновывать. А если же начнут скрывать свои мысли, то это

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 216.
[2] Там же, стр. 217.

получится не дискуссия, ведущая к уяснению вопроса, а в лучшем случае игра в прятки, никак не подходящая для политических деятелей.

Приведя второй тезис меньшевиков, В. И. Ленин замечает: «Сердито сказано. Видать, что авторы хотели «сорвать сердце». Это их право, конечно, и мы не любители жалоб на резкость полемики. Полемизируйте как угодно резко, только *говорите ясно, чего вы хотите* (курсив мой.— *А. Ш.*). А ваш 2-й пункт ровно ничего не говорит определенного. Он «метит», как можно догадываться, в большевиков, но он *не попадает* в них вследствие расплывчатой формулировки. Все большевики, конечно, согласятся подписать обеими руками осуждение *анархического* террора, «заговорщического авантюризма», «реакционных мещанских иллюзий» и «попыток ограничить классовую самостоятельность».

Мы дадим добрый совет товарищам меньшевикам. Если вы хотите, товарищи, порезче пополемизировать с большевиками и покрепче «ущемить» их, то пишите, пожалуйста, такие резолюции, которые были бы для нас *неприемлемы*.

Надо *раскрывать* все скобки, а не набрасывать новый флер на поднятые давно вопросы! Возьмите пример с нас: наш проект резолюции о беспартийных политических организациях *прямо* говорит, что мы противники *таких-то* идей Аксельрода, *такого-то* течения, выразившегося в определенных произведениях литературы членов партии. В чем бы нас ни упрекнули за этот проект резолюции, — нас, наверное, не упрекнут за неясность или за обход *существа* спора» [1].

Неясность, неконкретность, расплывчатость тезиса в доказательстве происходит главным образом вследствие двух причин, которые могут действовать как порознь, так и вместе.

Первая причина — это незнание или недостаточно точное знание выдвигающим тезис того предмета, о котором он говорит в тезисе.

Так, покойный президент Таджикской Академии наук Садриддин Айни в своих воспоминаниях воспроизводит картинку периода своей учебы в медресе, в которой показывает такого рода дистантов. Занятия в этих духовных школах проходили следующим образом: «Чтец читал из книги арабскую фразу. Учитель переводил ее на таджикский язык.

После этого учитель излагал свое мнение о прочитанной фразе. Некоторые ученики тут же высказывали свои соображения, обращаясь к учителю; некоторые же ученики спорили между собой. В этих спорах участвовали не только ученики, разбиравшиеся в предмете, но и те, для кого предмет оставался совершенно неясным. Последние, пожалуй, кричали даже громче других, чтобы их приняли за знающих. В этих спорах побеждал тот, у кого

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 217.

голос был громче»[1]. Понятно, что от таких участников дискуссии нельзя было ожидать ясного тезиса.

Вторая причина могущей быть неясности, неконкретности, расплывчатости тезиса — это небрежность формулирования тезиса, неточность терминологии и двусмысленность выражений.

В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» в разделе «Как мог И. Дицген понравиться реакционным философам?» показывает, что И. Дицген, наряду с совершенно ясными и недвусмысленными материалистическими положениями, допускает в своих работах ряд неточных выражений и неверных формулировок, зачастую выражает свои мысли расплывчато, неясно. Этим пользуются махисты. Они обходят молчанием ясные положения в его работах, а цепляются за неточности, чтобы отречься от материализма.

Приведя такое неточное выражение И. Дицгена, В. И. Ленин замечает: «...назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом. В сущности, это скорее *неточность выражения* (курсив мой. — *А. Ш.*) у Дицгена, говорящего в другом месте правильно...»[2].

Или еще. Дицген заявляет: «Мы могли бы с таким же правом назвать себя идеалистами, ибо наша система покоится на совокупном результате философии, на научном исследовании идеи, на ясном понимании природы духа»[3]. По этому поводу Ленин указывает: «За эту, явно неверную, фразу не трудно уцепиться для отречения от материализма. *На деле у Дицгена более неверна формулировка, чем основная мысль* (курсив мой. — *А. Ш.*), сводящаяся к указанию на то, что старый материализм не умел научно исследовать идеи (при помощи исторического материализма)»[4].

Бывают случаи, когда люди, выдвигая в качестве тезиса по существу истинное суждение, недостаточно четко формулируют его, что мешает делу доказывания истины. Вот почему нужно так требовательно относиться к формулировкам.

Попробовали бы, например, наши советские дипломаты допустить где-нибудь в документах или выступлениях в ООН какую-либо двусмысленность или неточность формулировки — за нее сейчас же уцепились бы дипломатические прислужники капитала для того, чтобы извратить существо советской внешней политики.

Факты современных международных отношений показывают, что реакционеры умудряются искажать в свою пользу даже предельно четкие по ясности положения международного права. Правда, при этом они вынуждены явно насиловать логику, здравый смысл и уже этим выдавать свои коварные замыслы.

---

[1] Садриддин Айни, Бухара (воспоминания), Гослитиздат, М., 1952, стр. 162—163.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 231.
[3] См. там же, стр. 232.
[4] Там же.

Наличие же неточных формулировок помогало бы им выходить, так сказать, сухими из воды, представлять себя людьми, честно выполняющими взятые на себя международные обязательства.

Четко и ясно сформулированные тезисы наших дипломатов, направленные на поддержание мира и обуздание агрессоров, безусловно являются помехой для империалистов, усложняющей их стремления теоретически оправдать свою преступную деятельность.

Говорить прямо и ясно то, что думаешь, — это первое необходимое условие плодотворности любой дискуссии, хотя, конечно, и недостаточное.

Вот как оценивает В. И. Ленин речь депутата «правых» Святополка-Мирского, ясно высказавшего взгляд громадной массы русских помещиков на вопрос о земле: «Итак, господа, — заявил Святополк-Мирский, — *оставьте мысль об увеличении площади крестьянского землевладения...*».

Это хорошо сказано: — прямо, ясно и просто» [1].

Здесь основной тезис взгляда «правых» на вопрос о земле выражен так, что слова соответствуют мыслям, дают возможность их понять. Ясно, что ленинские слова «хорошо сказано» не есть одобрением реакционного содержания тезиса, выдвинутого Святополком-Мирским, а есть похвала за откровенность, за соответствие языковой формы логическому содержанию. Это соответствие дает возможность разобраться в действительном положении вещей.

«Такие речи, — добавляет Ленин, — как речь Святополка-Мирского, помогут и самым темным крестьянам разобраться, где правда...» [2].

Очень мешает уяснению спорных положений отсутствие исторического подхода к вопросу и отсутствие конкретности, ибо, как говорит В. И. Ленин, «очень обычен провоз всяческой контрабанды под флагом общих фраз» [3].

Особо следует остановиться на значении правильного подбора терминов при формулировании тезисов.

Классики марксизма-ленинизма много работали над тем, чтобы выработать и отстоять наиболее правильную, наиболее точную терминологию. Они буквально воевали за научную терминологию, против всяческих спекуляций на сей счет. В своей научной деятельности они решили множество новых вопросов, создали много новых и чрезвычайно важных научных понятий. Они же вели упорную и последовательную борьбу за четкость этих понятий, против их искаженного, карикатурного употребления.

В работе «О карикатуре на марксизм и об «империалистиче-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 234.
[2] Там же.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 265

ском экономизме» В. И. Ленин приводит рассуждение П. Киевского, по поводу которого замечает: «Это рассуждение — образец карикатурного употребления понятия «империалистская эпоха». Именно потому, что это понятие ново и важно, надо с карикатурой бороться!» [1].

В этой же работе В. И. Ленин пишет: «Гвоздем рассуждений противников самоопределения является ссылка на «неосуществимость» его при капитализме вообще или при империализме. Словечко «неосуществимость» часто употребляется в разнообразных и неточно определяемых значениях. Поэтому в своих тезисах мы потребовали того, что *необходимо во всякой теоретической дискуссии: выяснения, в каком смысле* говорят о «неосуществимости»?» (курсив мой. — *А. Ш.*) [2].

Классики марксизма-ленинизма часто специально указывают на условия или область правильного применения тех или иных философских, экономических, политических и других терминов.

Так, в статье «Карл Маркс» В. И. Ленин приводит положение Ф. Энгельса о решении основного вопроса философии: «Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира,... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». И тут же Владимир Ильич предупреждает, что «всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице» [3].

Возражая Каутскому, который считал, что нельзя называть «империализмом» известную ступень развития капитализма, В. И. Ленин заявляет: «Каутский неправ. Спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять «слово» империализм так или иначе невозможно. Но надо *выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию»* (курсив мой. — *А. Ш.*) [4].

Применяя тот или иной термин в доказательстве, нужно точно определять, в каком смысле он будет употребляться. Особенно это нужно тогда, когда термин употребляется в каком-то особом, несколько своеобразном, условном значении. Эта задача лежит на том, кто вводит такое условное употребление термина.

Кроме того, тот, кто включается в дискуссию, всегда должен знать, помимо существа дела, конечно, и тот *особый смысл,* с которым употребляются те или иные термины.

Всякий включающийся в дискуссию должен дать себе труд понять предмет спора по существу, а это бывает иногда невоз-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 26.
[2] Там же, стр. 28.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 35—36.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 30.

можно, если не учесть специфики той терминологии, которая уже сложилась в ходе развития науки и которой оперируют оппоненты.

Можно употреблять термины в условном значении, лишь бы содержание этого условного значения было ясно определено. Так, в одном месте В. И. Ленин замечает: «Мы уже указывали не раз на условное значение термина «активный бойкот», отмечая, что рабочим нечего бойкотировать Государственную думу, ибо Государственная дума сама их бойкотирует. Но действительное содержание этого условного термина мы вполне ясно определили с самого начала, еще полтора месяца тому назад, когда в № 12 «Пролетария», до выхода закона о Государственной думе, писали: «В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать удесятерение агитации, устройство собраний везде и повсюду, утилизацию (использование) избирательных собраний, хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. п. и т. д.». И несколько дальше: «Активный бойкот» (мы ставили этот термин в кавычках, как условный термин) «есть агитация, вербовка, организация революционных сил в увеличенном масштабе, с двойной энергией, под тройным давлением» [1].

Парвус же, этот «советник путаницы», как указывает В. И. Ленин, «смешивает пассивный и активный бойкот», хотя различие в этих понятиях проведено у Ленина совершенно точно. Тут у Парвуса сказалось прежде всего незнание положения дел в России, русских политических вопросов. Но кроме того, со стороны Парвуса было проявлено недопустимое, с точки зрения логики, *игнорирование* сложившихся уже в ходе дискуссии терминов.

Что касается вопроса о терминах в дискуссии, то по этому поводу, в связи с путаницей, допущенной Парвусом, В. И. Ленин делает ряд очень важных в логическом отношении указаний: «Конечно,— замечает В. И. Ленин,— Парвус может возразить, что условные термины для него не обязательны. Это возражение будет формально справедливо, но по существу никуда не годно. *Обязательно знать то, о чем идет речь* (курсив мой.— *А. Ш.*). О словах мы спорить не станем, но политические термины, сложившиеся уже в России, на месте действия, это — *совершившийся факт, который заставит считаться с собой»* (курсив мой. — *А. Ш.*) [2].

Правда, В. И. Ленин признает за Парвусом, а следовательно, в принципе и за всяким иным участником дискуссии «полное право критиковать термин, отвергать или пояснять иначе его условное значение и т. д., но игнорировать его, или извращать

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 242.
[2] Там же, стр. 243.

установившееся уже значение, значит вносить путаницу в вопрос» [1].

Критиковать употребляемые термины — это одно дело, а игнорировать — совершенно другое.

Для того, чтобы критиковать термины, нужно разобраться в их содержании и аргументировать их неприемлемость или недостаточность.

Игнорировать же — значит просто закрыть глаза на существующий термин, не замечать его, не обращать на него внимания. Это дело самое легкое, конечно, но далеко не самое хорошее.

Конечно, указанные выше логические требования легче соблюдать тогда, когда у всех диспутантов есть действительное стремление добиться уяснения вопроса в ходе дискуссии, когда все участники дискуссии ставят себе обычно подразумевающуюся задачу — достигнуть правильного понимания вопроса. И, естественно, хуже тогда, когда кто-то ставит себе иные цели, вроде того, чтобы запутать вопрос, уйти от его правильного решения, как это часто делают преступники перед судом или буржуазные дипломаты, защищая интересы поджигателей войны. В таком случае с особенной настойчивостью нужно добиваться соблюдения правил относительно четкости формулирования тезиса.

Неясность и неконкретность тезиса может, конечно, быть даже в том случае, если со стороны выдвигающего тезис *нет преднамеренного* стремления запутать тезис или умышленно сделать его наиболее неопределенным, неконкретным.

Если же есть *нарочитое* стремление сделать тезис неясным и неопределенным, тогда это стремление и будет причиной формулирования тезиса в неясной и неопределенной форме.

Несоблюдение требований рассмотренного выше первого правила доказательства создает условия для возникновения ряда ошибок в ходе доказательства, усложняет процесс доказательства, а подчас и вообще не позволяет его осуществить.

Соблюдением требований относительно тезиса, выраженных в первом правиле, еще не исчерпываются *все* требования относительно тезиса доказательства.

б) Второе правило

При построении логических доказательств мы, конечно, прежде всего должны добиться четкости и ясности того суждения, которое выдвигаем в качестве тезиса. Но этого мало. Важное значение в процессе доказательства имеет также вопрос о том, должно ли суждение, выдвигаемое в качестве тезиса, быть предметом логического доказывания.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 243.

На первый взгляд этот вопрос может даже показаться праздным. Ведь закон достаточного основания ясно говорит, что всякая мысль должна быть обоснованной. В действительности, это не праздный вопрос, потому что, во-первых, и закон достаточного основания подразумевает обоснование путем логического доказательства только суждений выводных, а, во-вторых, если выводные суждения вообще относятся нами к тем, которые подлежат логическому обоснованию, то из этого еще не следует, что всякое выводное суждение всегда и при всех обстоятельствах должно превращаться в тезис доказательства.

Таким образом, необходимо различать выводные суждения, которые следует делать предметом логического обоснования, т. е. тезисом доказательства, и суждения, которых таковыми делать не следует.

Дело в том, что доказыванию подлежат лишь суждения, истинность которых вызывает у нас какое-либо сомнение.

Если же мы начнем доказывать суждения, истинность которых не нуждается в доказательстве, то мы тем самым низведем такое положение до разряда положений сомнительных, требующих доказательства, дискуссионных. А подобное явление ненормально. Оно, в лучшем случае, приводит к напрасной трате времени. Так бывает тогда, когда начинают доказывать вещи, само собою разумеющиеся и людям понятные.

Представим себе лекцию на тему «О преимуществах коллективной обработки земли перед единоличной», организованную, например, для членов сельхозартели «Здобуток Жовтня» Тальновского района, Черкасской области. Это привело бы к напрасной трате времени, ибо тема лекции в данном случае представляла бы главный тезис, доказательство которого должно развернуться в ходе лекции. Но что за нужда доказывать такое положение людям, которые на личном опыте, практически и очень давно убедились в истинности доказываемого в лекции положения.

Глава английской делегации Хьюлетт Джонсон, выступая с речью на первой Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве, чувствуя подобное положение, сказал: «Говорить в Советском Союзе о мире — это все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром».

И действительно, зачем убеждать советских людей в необходимости мира, когда они являются самыми горячими приверженцами его, самыми горячими борцами за его поддержание?

Именно поэтому Хьюлетт Джонсон счел необходимым в своей речи заявить далее: «Мы приехали сюда, чтобы заверить Вас, что в этой борьбе за мир и счастливую жизнь вы не одиноки»[1].

Одно из таких положений, не требующих доказательств, выдвигает В. И. Ленин в работе «Странички из дневника»: «Народный учитель,— пишет он,— должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не

[1] См. «Правда» от 28 августа 1949 г.

может стоять в буржуазном обществе». И тут же добавляет: «Это — истина, не требующая доказательств» [1].

Превращение положения, очевидно истинного, в тезис для доказательства может, кроме того, привести к искажению истины. Один из таких случаев непозволительного превращения бесспорно истинного и ясного положения в положение дискуссионное был допущен в свое время редакцией журнала «Пролетарская Революция», которая в № 6 за 1930 год поместила антипартийную статью Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса».

Автор статьи вопреки исторической правде утверждал, что Ленин недооценивал опасности центризма, а следовательно, и не вел решительной борьбы с этим опасным видом оппортунизма, как это положено было делать последовательному большевику.

Редакция же поместила эту статью в журнале, хотя и в качестве дискуссионной. Но это ничуть не спасло положения, ибо этим превращался в предмет дискуссии вопрос о том, был ли Ленин накануне империалистической войны настоящим большевиком, или нет. Так, волей редакции аксиома превращалась в проблему.

Таким образом, *превращение суждений, не требующих доказательства, в предмет спора представляет собой софистический прием искажения действительности, а не ее познания.* Против него решительно выступает логика.

Неверным будет и принятие на веру положений, которые в действительности должны стать предметом обоснования, тезисом доказательства, ввиду того, что истинность или ложность их отнюдь не является очевидной.

Таким образом, нужно различать суждения, подлежащие доказыванию, от не нуждающихся в нем.

Поэтому при доказательстве следует руководствоваться *вторым правилом* относительно тезиса: *тезис должен быть суждением, истинность которого нуждается в доказательстве в данных конкретных условиях.*

Но установив это правило, мы должны определить, *какие* из суждений следует доказывать, а какие нет.

Прежде всего необходимо заметить, что раз и навсегда в категорической форме ответить в отношении какого-либо суждения, что «да, оно подлежит доказыванию», или «нет, оно не подлежит доказыванию»,— невозможно, ибо такой категорический ответ означал бы раз и навсегда, метафизическое, навечное разделение всех суждений на две противоположные категории — разделение, так сказать, без права перехода из одной категории в другую.

Диалектика давно указывала на неправомерность требования категорического ответа при такой абстрактной постановке

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 424.

вопроса. Диалектика учит, что все зависит от условий, места и времени. Поэтому, отвечая на вопрос, подлежит ли доказательству то или иное суждение, нужно учитывать ряд конкретных обстоятельств.

Каковы же эти обстоятельства? Укажем на главные из них.

Во-первых, необходимо установить, является ли данное суждение *впервые* выдвигаемым или нет. Если только оно действительно высказывается впервые или содержит в себе дальнейшее развитие уже ранее высказанных положений, то тогда такое положение обязательно должно выступить в качестве тезиса доказательства. В противном случае оно не может быть принято за истину, ибо его ранее никто не обосновывал.

Логика рекомендует исходить из того принципа, что право выдвигать новые положения должно выступать в единстве с обязанностью доказывать их. Иначе мышление будет голословным, бездоказательным.

Во-вторых, следует учесть, является ли высказываемое суждение *оспариваемым* в науке или нет. Если оно является оспариваемым в науке, тогда есть смысл делать его тезисом доказательства. При этом особенно желательно обосновать его более убедительно при помощи новых аргументов, более удачным способом доказывающих это положение.

В-третьих, важно, является ли высказываемое положение новым *для данной аудитории* или нет, ибо одно и то же положение, хорошо обоснованное и никем не оспариваемое, для одной аудитории будет тезисом доказательства, а для другой нет. Это относится в одинаковой мере как к устным, так и к письменным высказываниям.

Поэтому всякий пишущий или выступающий всегда должен иметь в виду какую-то определенную аудиторию. И бывает тем труднее доходчиво и убедительно изложить свои мысли, чем разнообразнее по своему уровню знаний аудитория, к которой мы обращаемся.

Умение излагающего добиться ясности и убедительности связано с умением прочесть излагаемый им материал глазами своих читателей или прослушать его ушами своих слушателей и критически к нему отнестись, исходя из уровня знаний слушателей и их интереса к данному вопросу.

Именно поэтому лишь тот пропагандист или лектор может с успехом воздействовать на аудиторию, убедить ее в правильности выдвигаемых им положений, который *знает* свою аудиторию.

Таким образом, в зависимости от аудитории одно и то же положение в одном случае должно быть предметом доказательства, а в другом нет.

Можно сослаться на приводившийся выше пример лекции на тему: «О преимуществах коллективной обработки земли перед единоличной». Если для членов сельхозартели «Здобуток Жовт-

ня» действительно незачем доказывать такое положение, то для крестьян-единоличников, скажем, Польской Народной Республики это необходимо.

Или, например, теорему Пифагора нужно доказывать учащимся 8 класса и не нужно доказывать учащимся 9 класса. В последнем случае она сама уже может быть использована как основание для доказательства других положений.

В-четвертых, следует учитывать, представляет ли для нас определенное *значение* установление истинности данного положения или нет.

Превращая то или иное суждение в тезис для доказательства, в предмет спора, надо учитывать и *важность* его в теоретическом или практическом отношении, ибо объектов познания, а следовательно, и доказательства, существует в природе неисчислимое множество, но не все они для нас в тот или иной момент одинаково значимы. Поэтому не следует разрабатывать, изучать, доказывать первое попавшееся положение.

Такие попытки ухода от актуальных проблем беспощадно раскритикованы на исторической сессии Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Речь идет о «научных» исследованиях проф. И. П. Дубинина на тему «Структурная изменчивость хромосом в популяциях города и сельской местности».

В этом своем исследовании Дубинин занялся проблемой плодовых мух г. Воронежа. Он прямо пишет, что для него «глубоко интересным было изучать влияние изменений условий существования, вызванных войной, на кариотипическую структуру популяций города. Весной 1945 г. мы изучили популяции из г. Воронежа, одного из тех городов, которые потерпели наибольшие разрушения от немецкого нашествия. Среди 225 особей были найдены только две мухи, гетерозиготные по инверсии П-2 (0,88%). Таким образом, концентрации инверсий в этом крупном городе оказались ниже, чем в некоторых сельских местностях. Мы видим катастрофическое воздействие естественного отбора на кариотипическую структуру популяции» [1].

В этом изложении не каждый может сразу разобраться.

«Но если изложить эту работу попроще, освободив ее от словесного псевдонаучного оформления и заменив морганистский жаргон обычными русскими словами, то выяснится следующее:

В результате многолетней работы Дубинин «обогатил» науку «открытием», что в составе мушиного населения у плодовых мушек г. Воронежа и его окрестностей во время войны произошло увеличение процента мух с одними хромосомными отличиями и уменьшение других плодовых мух с другими отличиями в хромосомах (на морганистском жаргоне это и называется «концентрация инверсий» П-2)» [2].

---

[1] «Доклады АН СССР», 1946, т. 11, № 2, стр. 153.

[2] Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина 31 июля — 7 августа 1948 г., Сельхозгиз, М., 1948.

Вот, оказывается, что было предметом исследования проф. Дубинина, вот обоснованием каких положений он был занят. Этим же он собирался заниматься «в течение ряда последующих лет» Занятие это настолько бесплодное, что лучше уже было заняться просто ловлей мух с целью их уничтожения. Это было бы делом более полезным, чем обоснование увеличения процента мух с особыми отличиями в их хромосомах.

Всевозможные идеологи империалистической буржуазии на каждом шагу широко пользуются такими софистическими приемами, как превращение в предмет дискуссии доказательства каких-либо десятистепенных (с точки зрения современных задач) вопросов. Делается это с тем, чтобы отвлечь внимание от основного, главного, жизненно важного. А иногда это имеет своей целью просто затянуть решение вопроса, так сказать, «выиграть» время в ходе заседаний международных органов или утопить какой-либо важный вопрос в мелочах, как это часто делается, например, буржуазными дипломатами во всевозможных органах ООН и других международных организациях и на конференциях.

В-пятых, следует учитывать, что есть положения, которые с течением *времени,* в силу исторического хода событий, переходят из разряда суждений, которые надо доказывать, в разряд суждений, которые доказывать незачем, так как они стали очевидными.

Из приведенных выше обстоятельств и примеров к ним видно, что, действительно, вопрос о том, должно ли данное суждение быть тезисом для доказательства или нет, должен решаться конкретно, исходя из условий места и времени.

При этом все сказанное относится не только к каждому отдельному суждению, но и к каждому *виду* суждений в целом. Это значит, другими словами, что нельзя сказать, что суждения, например единичные, относятся к таким, которые не следует доказывать, а общие — к таким, которые следует доказывать, и т. д. *Любой* вид суждений содержит в себе суждения, которые при одних условиях должны быть доказываемы, а при других — нет.

в) Третье правило

В доказательстве относительно тезиса, кроме рассмотренных выше двух правил, необходимо соблюдать еще одно: *тезис должен оставаться неизменным в ходе данного доказательства.*

Это значит, что мысль, выдвинутая нами как тезис в начале доказательства, должна оставаться именно той же до конца процесса доказательства, а не быть нечаянно или умышленно подменена другой, может быть и похожей, близкой, но по существу интересующего нас вопроса совершенно *иной* мыслью.

Это правило означает также, что в ходе доказательства, когда оно ведется с участием оппонентов, обязательно необходимо *однозначное* понимание тезиса всеми участниками дискуссии.

Успешное выполнение требований настоящего правила доказательства в значительной степени зависит от того, насколько хорошо были выполнены требования первого правила. Ясно, что если тезис был четко сформулирован и в достаточной степени конкретизирован, то его значительно легче сохранить тождественным в ходе доказательства и он скорее будет однозначно понят всеми участниками дискуссии, чем тот, который недостаточно конкретизирован и неясно сформулирован.

Нетрудно заметить, что третье правило относительно тезиса доказательства есть конкретизацией требования закона тождества.

Возникает вопрос: какими свойствами материальной действительности, отражаемой в нашем сознании, какими свойствами самого процесса познания обусловлена необходимость соблюдать это правило?

Известно, что марксистский диалектический метод, являющийся единственно верным потому, что он соответствует характеру самой действительности, рассматривает природу, как такую, которая находится в состоянии непрерывного движения и развития.

Возникает вопрос, нет ли в требовании сохранения тождества тезиса в ходе доказательства чего-то противоречащего этому положению марксистского диалектического метода? Нет ли здесь нарушения диалектического подхода к явлениям? Более или менее внимательное рассмотрение этого вопроса показывает, что нет.

Дело в том, что всем предметам и явлениям, как бы быстро они не менялись, свойственна *качественная определенность*. Она-то, главным образом, и дает возможность установить в процессе познания, *что* есть данная вещь.

На самом деле, если бы мир был так изменчив, как его представлял себе древнегреческий философ Кратил, по мнению которого даже один раз нельзя вступить в одну и ту же реку, ибо она станет другой, то мы бы ни о чем не могли сказать что-либо определенное.

Более того, мы бы не могли в таком случае ни одно свое высказывание о действительности считать истинным, ибо пока мы его выражаем, оно уже перестает соответствовать ей. Именно поэтому, как повествует одна историческая легенда, Кратил в конце его жизни вообще перестал говорить, а только шевелил пальцами. Здесь мы видим пример того, как извращается диалектика, чтобы служить мостиком к софистике.

Кратиловское понимание действительности фактически отрицает за ней какую бы то ни было качественную определенность, ибо при таком ее понимании все сливается в одну сплошную нерасчлененную серую массу.

Диалектика учит, что развитие в природе идет таким образом, что незаметные количественные изменения ведут к корен-

ным качественным. Мы всегда имеем возможность установить то или иное определенное качество предметов и явлений объективной действительности.

Это одно из важных объективных обстоятельств, лежащих в основе правила о необходимости сохранять тождество тезиса в ходе доказательства.

Но необходимость сохранять тезис тождественным обусловлена еще и спецификой самого процесса познания. «Мы не можем, — говорит Ленин, — представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и ***всякого*** понятия» [1].

Знание того факта, что при изображении в наших мыслях той или иной стороны действительности мы всегда в какой-то мере ее огрубляем, омертвляем, помогает нам избежать метафизического искажения отображаемой действительности.

В одном акте мысли о предмете мы не можем сразу охватить все его стороны, подобно тому, как мы не можем фотоаппаратом в один акт съемки на одном кадре получить изображение всех сторон фотографируемого объекта.

Но если мы при этом продолжаем помнить, что это только часть целого, а для знания целого нужно рассмотреть его всесторонне, то мы можем последовательно отразить другие, не охваченные сразу стороны предмета и, соединив их вместе, получить довольно точное, удовлетворяющее нас знание о целом.

Таким образом, в ходе познания действительности мы необходимо отвлекаемся от одних свойств ее и сосредоточиваем внимание на других. Иначе познавать ее мы не можем.

Эта особенность нашего процесса познания накладывает свой отпечаток на процессы доказательства. Ведь тезис доказательства есть наше суждение о какой-то стороне или части действительности. И нам, чтобы установить адекватность отражения этой действительности в нашем сознании в данном случае при помощи других достоверных знаний, необходимо все время в ходе этого процесса иметь в виду *именно это заданное суждение*. Иначе теряет всякий смысл доказательство, иначе невозможно установить при помощи доказательства соответствие нашего суждения-тезиса самой объективной действительности. А в этом, как известно, смысл доказательства. Следовательно, без соблюдения этого правила невозможно осуществить доказательство.

Несоблюдение правила о сохранении тождества тезиса ведет к самым нежелательным результатам. Так, В. Г. Белинский указывал: «Если вы с кем-нибудь горячо спорите о важном предмете, для вас ничего не может быть больнее, как если против-

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 243.

ник ваш, не давая себе труда вслушиваться в ваши слова и взвешивать ваши доводы, будет придавать им другое значение и, следовательно, отвечать вам не на ваши, а на свои собственные мысли, справедливости которых и не думали вы поддерживать. Если вы хотите, чтоб с вами спорили и понимали вас, как должно, то и сами должны быть добросовестно внимательны к своему противнику и принимать его слова и доказательства именно в том значении, в каком он обращает их к вам» [1].

Какие же обстоятельства объективно способствуют несоблюдению тождества тезиса в доказательстве, создают условия для нарушения его тождества?

Во-первых, доказательство тезиса иногда превращается в довольно *длительное* рассуждение. Это бывает в том случае, если доказывающий должен обосновывать истинность аргументов, приводимых непосредственно в подтверждение тезиса и, идя еще дальше в этом направлении, аргументировать в свою очередь и их. При построении таких сложных доказательств у людей, недостаточно ясно представляющих свой тезис или недостаточно целеустремленно ведущих его обоснование, легко может произойти отход от первоначально выдвинутого ими положения. О таких людях говорят, что они взялись доказывать одно, а доказали нечто другое.

Во-вторых, это часто случается в процессе дискуссии, в которой участие принимают многие. Участники дискуссии, не являющиеся авторами тезиса, естественно, могут или принимать, поддерживать его, или отрицать, оспаривать, отвергать. Как те, так и другие могут допустить несоблюдение тождества выдвинутого автором тезиса.

Если это делают участники дискуссии, объявляющие себя сторонниками выдвинутого автором тезиса, то последний бывает вынужден *отмежеваться* от такой поддержки, показав, что он доказывает иное положение.

Если же это делают люди, оспаривающие выдвинутый тезис, то автор тезиса обязан их разоблачить. Он должен показать разницу между тем, что доказывает он, и тем, что опровергают они.

Отход от выдвинутого тезиса может произойти как умышленно, так и неумышленно. Примеры умышленного отхода от выдвинутого тезиса мы часто можем видеть в рассуждениях буржуазных дипломатов. Так, на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций советская делегация внесла предложение о принятии мер против пропаганды войны и наказания пропагандистов новой войны. Делегатам Соединенных Штатов Америки такое предложение пришлось не по душе. Однако сказать прямо, что советское предложение их не устраивает потому, что они ведут курс на развязывание войны, амери-

---

[1] В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 372.

канские делегаты не могли, опасаясь гнева народов. Поэтому американские дипломаты попытались найти выход из затруднительного для них положения в том, чтобы «доказать» неприемлемость советских положений, исходя якобы из «интересов» народов.

Но так как доказать несовместимость действительных советских предложений с интересами народов было невозможно, то американские дипломаты оказались вынужденными подменить тезис, выдвинутый и отстаиваемый советской делегацией, таким тезисом, который не соответствует интересам народов и неприемлемость которого затем уже нетрудно доказать. От имени американских дипломатов эту грязную работу выполнил Остин. Остин начал доказывать, что советские предложения не должны быть приняты, так как они якобы ограничивают свободу личности тем, что запрещают заниматься кое-кому пропагандой тех идей, которые им угодны.

Подобный софистический трюк Остина сразу же был разоблачен главой советской делегации А. Я. Вышинским, который, соблюдая дипломатическую вежливость, заявил: «Извините, пожалуйста, господа. Мы настаиваем на ограничении *произвола* в пользовании свободой, на пресечении *злоупотреблений* свободой, а не на ограничении пользования самой свободой. И именно настаивая на том, чтобы было ограничено злоупотребление свободой, мы тем самым защищаем подлинную свободу. Не приписывайте нам, таким образом, того, чего мы и в мыслях не имеем. Не извращайте наши предложения» [1].

Логика рекомендует: прежде чем выступить против выдвинутого кем-либо тезиса, необходимо правильно понять его, т. е. понять тезис в том смысле, в каком его выставляет автор, а затем уже принимать или отвергать правильно понятый тезис.

Содействовать этому может постановка уточняющего вопроса и умение выразить тезис иными словами при сохранении того же содержания.

Включаясь в дискуссию, нужно прежде всего схватить существо спора, ибо, как говорит В. И. Ленин: «Кто выражает желание публично участвовать в интересующем всех споре и обнаруживает сразу незнание «центра» спора, тот рискует получить в лицо наименование не из лестных...» [2].

Соблюдение правила о тождестве тезиса имеет особо важное значение в тех случаях, когда дискуссия приобретает интернациональный характер и ее участники выражают свои мысли на различных языках. Но неверно было бы переоценивать значение различия в языковом оформлении тезисов. Главным остается тождество *содержания* мысли, заложенной в том или ином тезисе.

---

[1] Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблея Организации Объединенных Наций. Госполитиздат, 1948, стр. 105.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 417.

Ставшая же сейчас модной среди идеологов империализма школка семантического идеализма, извращая действительное положение вещей, утверждает, например, будто все причины разногласий в международной жизни заключены в языке.

Если бы дело в действительности обстояло так, как его изображают семантические идеалисты, то среди людей, говорящих на одном языке, никогда бы не возникало споров.

Говоря о соблюдении тождества тезиса доказательства, следует подчеркнуть, что речь идет о действительном нарушении тезиса, о подмене его содержания.

Бывают же случаи *кажущейся* подмены тезиса, а следовательно, и *необоснованного* обвинения в нарушении тождества тезиса. Это бывает в том случае, когда некоторое различие в *форме* выражения мысли принимают за существенное различие их содержаний.

Ведь наши советские дипломаты отвергают американский план «регулирования вооружений» не потому, что мысль выражена иными словами, чем у нас, а потому, что под словами «регулирования» они понимают в действительности дальнейшее расширение и гонку вооружения.

В этой связи следует указать на одну особенность взаимоотношения языка и мышления, а именно на то обстоятельство, что язык имеет богатые возможности различного по форме воплощения мыслей. Одна и та же по существу мысль может быть различными людьми или даже одним и тем же человеком воплощена в *различную* языковую форму. При помощи одного предложения мысль будет более точно передана, при помощи другого менее точно, но так, что эти небольшие неточности не затрагивают основного содержания мысли.

А может быть и такое положение, что обе формулировки одинаково успешно (одинаково точно) передают одно и то же содержание мысли.

И тот, кто не сумеет разглядеть тождество мысли за различной словесной формой их, тот не сможет и плодотворно участвовать в дискуссии, тот увидит нарушение правила там, где такого нарушения в действительности нет.

* * *

Суждение, истинность которого доказывают, называется тезисом, причем тезисом может быть любой вид суждений.

Вводить в теорию доказательства различение понятий «тезис» и «доказываемое положение» нецелесообразно, ибо такое различение не содействует изучению логического доказательства, а лишь усложняет его.

Деление тезисов на виды на основании общей классификации суждений не вскрывает главного в их различии. Специфику тезиса как суждения доказываемого можно вскрыть, поделив тезисы прежде всего на *расчленяемые* и *нерасчленяемые*.

Для уяснения специфики тезисов, встречающихся в сложном доказательстве, их следует разделить на *основной* тезис сложного доказательства и *вспомогательные*.

Успешное осуществление доказательства станет возможным, если в отношении тезиса доказательства будут соблюдены следующие правила:

а) тезис должен быть точно определенным по содержанию и сформулирован в соответствующей этому содержанию форме;

б) тезис должен быть суждением, истинность которого в данных условиях нуждается в доказательстве;

в) тезис должен оставаться неизменным на протяжении всего доказательства.

Глава III. Аргументы и правила относительно аргументов доказательства 56
1. Сущность аргументов 56
2. Виды аргументов 59
а) Очевидные положения как аргументы доказательства 61
б) Аксиомы как аргументы доказательства . . . 63
в) Факты как аргументы доказательства 64
г) Законы науки как аргументы доказательства . . . 69
д) Определения и деления понятий как аргументы доказательства 72
е) Иные, ранее доказанные положения как аргументы доказательства 78
3. Правила относительно аргументов доказательства . . 79
а) Первое правило 81
б) Второе правило 83
в) Третье правило 85

ГЛАВА III

АРГУМЕНТЫ И ПРАВИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО АРГУМЕНТОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. Сущность аргументов

Из самого определения доказательства, как логического приема обоснования истинности данного суждения при помощи других суждений, истинность которых уже установлена, ясно, что аргументы являются необходимой составной частью доказательства.

Уясняя сущность аргументов как составной части доказательства, следует прежде всего обратить внимание на их отношение к тезису. При этом нетрудно заметить, что в доказательстве аргументы как суждения, истинность которых *уже* установлена, *противополагаются* тезису как суждению, истинность которого *еще* не установлена.

В силу этого противоположения доказательство в целом выступает, как единство противоположностей тезиса и аргументов. Наличие такого рода противоположения этих двух по-своему различных (с точки зрения нашего знания об их истинности) частей доказательства создает диалектическое противоречие внутри доказательства и тем самым обусловливает *движение* мысли в этом акте рассуждения от незнания об истинности суждения-тезиса к знанию об его истинности.

Наличие указанного противоречия в доказательстве лишний раз подтверждает правильность марксистского положения о том, что всему человеческому познанию присуща диалектика. Это положение справедливо как для всего человеческого познания в целом, так и для каждой познавательной операции в частности. В доказательстве оно проявляется в виде противоречия между установленной истинностью аргументов и еще неустановленной истинностью тезиса.

Правда, следует оговориться, что те или иные суждения, противополагаемые в рамках данного конкретного доказательства, вне его такому противоположению могут не подлежать. Они уже могут выступить с иными функциями. Суждение, ко-

торое ранее было тезисом, может выступить в качестве аргумента и наоборот. Это обстоятельство можно наблюдать при сложных доказательствах, в ходе которых приходится обосновывать суждения, непосредственно подтверждающие основной тезис.

Из сказанного следует, что разделение суждений на суждения, истинность которых уже установлена и поэтому не нуждается в доказательстве, и суждения, еще нуждающиеся в доказательстве, не может быть абсолютным, вечным, неизменным. Такое разделение носит *относительный* характер.

Однако следует подчеркнуть и то, что в рамках данного, конкретного доказательства или его этапа (в сложном доказательстве) противоположение тезиса и аргументов носит и должно носить *абсолютный* характер. В этом случае одни суждения должны быть такими, истинность которых уже достоверна, а другие — требующими обоснования своей истинности. Без этой их противоположности невозможно движение мысли, характерное для доказательства. Если бы аргументы были в такой же мере сомнительны, как и тезис, или тезис в такой же мере бессомнен, как и аргументы, — мысль при таком положении не сдвинулась бы ни на шаг. Никакого изменения в характере знаний о действительности не произошло бы. Это обусловлено диалектической природой нашего познания.

Такую особенность во взаимоотношении тезиса и аргументов в доказательстве в какой-то степени понимал еще Аристотель, который, по выражению В. И. Ленина, на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике.

В «Первой аналитике» Аристотель пишет: «...доказательство должно идти от более достоверного и предыдущего», «...то, что в одинаковой мере неизвестно, не есть основание доказательства», «...необходимо, чтобы и доказывающая наука основывалась на (положениях) истинных, первичных, неопосредствованных, более известных и предшествующих (доказываемому)...»[1].

Из этих высказываний Аристотеля ясно, что он заметил специфику взаимоотношений оснований доказательств (аргументов) и доказываемого положения (тезиса), но объяснить эту взаимосвязь (а это можно было сделать, лишь исходя из понимания диалектики процесса человеческого познания) он не смог.

Диалектику в отдельных исследуемых им вопросах Аристотель отражал стихийно, несознательно и в силу этого нечетко и не всегда точно. Типичным примером подобной слабости Аристотеля, как диалектика, является его «беспомощно-жалкая запутанность в *диалектике* общего и отдельного...»[2].

Взаимоотношения тезиса и аргументов можно объяснить только с позиций диалектического материализма, опираясь на учение марксизма-ленинизма о процессе нашего познания.

---

[1] Аристотель, Аналитики первая и вторая, Госполитиздат, 1952, стр. 154, 155, 182.

[2] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 304.

Объект познания в целом неисчерпаем. Поэтому и познаем мы его в бесконечном (не только для человека, но и для человечества) ряде актов познания. «Развитие сознания у каждого отдельного человеческого индивида и развитие коллективных знаний всего человечества на каждом шагу показывает нам превращение непознанной «вещи в себе» в познанную «вещь для нас» [1]. Причем, к действительно истинному знанию свойств и сущности вещей, о существовании которых уже известно и на познание которых уже обращено внимание, мы приходим далеко не сразу.

Прежде чем человек получает *достоверные* знания, он сначала строит ряд предположений, догадок, гипотез, которые стремится в последующем проверить, обосновать, доказать.

Процесс познания в этом отношении представляет собой непрерывное рождение все новых и новых гипотез и их превращение после доказательства их истинности в достоверное знание.

Далеко не все добытые нами знания о действительности мы можем отнести к разряду твердо установленных и безусловно истинных. К тому же степень нашей уверенности в истинности имеющихся у нас знаний о действительности далеко не одинакова.

В истинности одних положений мы уже убедились, в истинности других убеждаемся сейчас, а убеждение в истинности третьих только ждет еще своей очереди, то ли в силу того, что они не представляют еще первостепенного интереса, то ли в силу того, что сама действительность, общественно-историческая практика, техника, уровень знаний еще не дают достаточного материала для уверенного ответа на вопрос об их истинности.

Во всяком случае, наши знания состоят далеко не из одних только безусловно истинных суждений. Иначе и быть не может, так как наше сознание не стоит на месте, а находится в процессе развития. «Если бы человечество пришло когда-либо к тому, чтобы оперировать одними только вечными истинами — результатами мышления, которые имеют суверенное значение и абсолютное право на истину, то оно бы дошло до той точки, где бесконечность интеллектуального мира оказалась бы реально и потенциально исчерпанной, и, таким образом, совершилось бы пресловутое чудо сосчитанной бесчисленности» [2].

Важнейшей формой развития естествознания классики марксизма-ленинизма считают гипотезу.

Однако, не верно было бы, с другой стороны, сводить все наши знания к одним гипотезам. Энгельс указывает, что «существуют же истины, настолько твердо установленные, что всякое сомнение в них представляется нам равнозначащим сумасшествию? Например, что дважды два равно четырем, что сумма уг-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 176—177.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 82.

лов треугольника равна двум прямым, что Париж находится во Франции, что человек без пищи умирает с голоду и т. д.»[1].

Круг наших знаний, в истинности которых мы не сомневаемся и которые могут быть использованы в качестве аргументов, довольно широк и разнообразен. Конечно, сюда относятся не только так называемые «вечные истины».

Каждое истинное суждение может быть использовано в качестве аргумента. Но всякое истинное суждение выступает в качестве аргумента только тогда, когда его бессомненная истинность противополагается вызывающей сомнение истинности тезиса. Поэтому-то *аргументами называются такие истинные суждения, при помощи которых доказывается истинность тезиса.*

2. Виды аргументов

Все бесчисленное множество суждений, которые выступают в качестве аргументов в доказательствах, целесообразно классифицировать, чтобы иметь возможность лучше вскрыть особенности различных видов аргументов, их познавательное значение и применимость в тех или иных видах доказательства.

Что можно сказать о состоянии этого вопроса в нашей литературе по логике?

Авторы большинства работ, освещая учение о доказательстве, совершенно обходят вопросы классификации аргументов (С. Н. Виноградов и А. Ф. Кузьмин, К. С. Бакрадзе и др.).

Что касается существующих в логической литературе попыток классификации аргументов доказательства, то их приходится признать еще неудовлетворительными, что:

во-первых, приводимые классификации *неполны.* Они не охватывают всех видов аргументов. Так, например, в «Учебнике логики» Г. И. Челпанова называются лишь такие виды аргументов, как *«аксиомы»* и «общепризнанные общие положения, которые в таком случае называются *основными принципами»*[2];

во-вторых, предлагаемые классификации содержат зачастую *неправильное толкование сущности* отдельных видов действительно применяемых в процессе доказывания аргументов. Конкретно эти недостатки будут показаны ниже в связи с характеристикой отдельных видов аргументов;

в-третьих, в некоторых классификациях называются в качестве видов аргументов такие *субъективно-идеалистические положения,* которые не имеют ничего общего с объективной истиной и поэтому не могут быть применяемы в качестве действительных аргументов. Этот упрек относится, например, к М. Владиславлеву, который, давая классификацию аргументов, пишет: «Третий род недоказываемых истин составляют принципы практической, нравственной деятельности. Это суть верховные

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 82.
[2] Г. И. Челпанов, Учебник логики, Госполитиздат, 1946, стр. 126.

положения, непосредственно вытекающие из идеи нравственного добра или долга: напр., закон любви к ближнему имеет непосредственную нравственную очевидность и его обязательная сила сознается нравственно развитой личностью без всяких доказательств. Чем выше развитие личности, тем необходимее кажутся ей подобные принципы, тем невозможней представляется ей противоположное им» [1]. Безусловно, «закон любви к ближнему», «идея нравственного добра» и т. д. являются столь субъективными категориями, что представлять их в качестве бесспорных аргументов может только идеалист;

в-четвертых, в существующих классификациях нет даже попыток отыскать то *основание,* при помощи которого производится деление аргументов на виды.

Правда, в недавно вышедшей в свет работе проф. В. Ф. Асмуса «Учение логики о доказательстве и опровержении» уже сделан значительный шаг на пути исправления этих существенных недостатков в логической теории, но и в ней также сохраняются некоторые из них: в ней не рассматриваются такие виды аргументов, как очевидные положения, деления понятий, законы науки; не указано также основание деления аргументов на виды.

Конечно, указать в качестве основания только один какой-то признак, при помощи которого можно провести классификацию аргументов, трудно. Но если в качестве основания деления взять соединенными вместе два признака и последовательно держаться их, то можно получить более или менее удовлетворительную классификацию аргументов.

В качестве такого сложного основания можно взять следующие два признака: *характер знания,* выраженного в тех или иных аргументах, и *способ убеждения* в их истинности. Тогда все применяемые в доказательстве аргументы поделятся на следующие виды:

а) очевидные положения,
б) аксиомы,
в) факты,
г) законы науки,
д) определения и деления понятий и
е) иные, ранее доказанные положения.

Такая классификация аргументов помогает вскрыть специфические особенности каждого вида аргументов, дать им краткую характеристику, оценить познавательное значение каждого вида аргументов.

Попытаемся эту возможность реализовать.

---

[1] М. Владиславлев, Логика. Обозрение индуктивных и дедуктивных приемов мышления, СПб, 1872, стр. 329.

а) Очевидные положения как аргументы доказательства

В качестве аргументов доказательства нередко фигурируют такие суждения, которые можно назвать «положениями очевидными». *Очевидными положениями называются суждения, соответствие которых отражаемой в них действительности устанавливается при помощи непосредственных восприятий,* зачастую именно при помощи зрительных восприятий. Поэтому и называются они положениями очевидными.

Так, например, нужно доказать учащимся тезис о том, что яровизированный картофель дает всходы на несколько дней раньше, чем неяровизированный. Для этой цели может быть поставлен опыт. В один и тот же день, при всех прочих равных условиях, высаживают картофель на двух опытных участках. На участке № 1 высаживают яровизированный картофель, а на участке № 2— неяровизированный. Затем простыми наблюдениями устанавливают, что на участке № 1 на 17—18-й день уже есть всходы, а на участке № 2 всходов еще нет. Они появляются там на 5—7 дней позже. Таким образом, истинность суждения «Картофель на участке № 1 взошел раньше, чем на участке № 2» устанавливается при помощи зрительного восприятия, а это очевидное положение используется потом как аргумент для обоснования выдвинутого нами тезиса о том, что «яровизированный картофель дает всходы на несколько дней раньше, чем неяровизированный».

Но очевидными положениями, и притом в прямом смысле, называются, конечно, не только положения, в истинности которых мы удостоверяемся при помощи зрительных восприятий, а также и положения, в истинности которых мы удостоверяемся при помощи всех остальных чувственных восприятий.

Аргументы, истинность которых мы устанавливаем при помощи чувственных восприятий, имеют то *положительное свойство,* что они обладают очень высокой степенью убедительности. В этом и заключается их преимущество перед другими видами аргументов.

Человек привык доверять суждениям, проверенным чувствами, больше, чем суждениям, почерпнутым из сообщений других лиц. На это указывает поговорка: «Не верь чужим речам, а верь своим очам». Но аргументы такого рода имеют, естественно, и свои *недостатки.*

Во-первых, чувственные восприятия сами иногда искаженно или неточно отражают действительность. Так, предметы более удаленные кажутся меньшими по размерам, чем равные им, но менее удаленные. Таким образом, истинность чувственных восприятий, а следовательно, и аргументов, на их основании полученных, нельзя абсолютизировать. Они сами, подчас, нуждаются в корректировании.

Во-вторых, недостатком чувственных восприятий является то, что далеко не каждый человек может сам лично удостовериться

в истинности нужного аргумента подобным образом из-за невозможности лично наблюдать явления. Здесь имеются в виду, например, те случаи, когда один человек не может наблюдать явлений, происходящих одновременно в разных местах, а также и явлений, происходивших до его существования или до появления человечества вообще. В силу того, что само наблюдение по своей природе не может охватить иногда некоторых явлений или некоторых сторон наблюдаемых явлений, возможность получения аргументов на их основании является *относительно ограниченной,* хотя говорить о каких-то абсолютных границах возможности получать истинные суждения как аргументы для доказательства того или иного тезиса путем чувственных восприятий безусловно абсурдно.

При помощи всевозможных технических приборов человек непрерывно расширяет границы своих чувственных восприятий.

Электронный микроскоп, замедленная и скоростная киносъемки, например, позволяют нам наблюдать такие явления, которые ранее были недоступны. С помощью замедленной съемки, например, можем наблюдать в течение нескольких секунд процессы, происходящие в действительности на протяжении нескольких часов или даже дней (например, превращение бутона в цветок, прорастание зерна), а с другой стороны, скоростная съемка позволяет нам наблюдать такие процессы, которые в действительности происходят в сотые и тысячные доли секунды (полет пули, процесс взрыва горных пород, взаимодействие быстродвигающихся частей механизмов и т. д.). В результате такой скоростной съемки на экране ясно видно, например, что пуля, пробивающая стекло, разрушает его не ударом своего тела, а волной сжатого воздуха, идущей впереди.

Так, человек, используя технику, все больше и больше расширяет возможности для получения доказательства истинности своих знаний при помощи такого рода убедительных и доходчивых аргументов, как *очевидные положения.*

Особенно богатые возможности открываются перед чувственными восприятиями в связи с применением метода меченых атомов.

В этом отношении интересно отметить, что еще Энгельс в «Диалектике природы» указывал на то, что «специальное устройство человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания»[1].

Большая сила убедительности подобного рода аргументов, порожденная их наглядностью, заставляет человека искать все новые и новые средства расширения возможностей наглядно-чувственного восприятия все новых и новых сторон окружающей нас действительности.

---

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 190.

б) Аксиомы как аргументы доказательства

Доказательство одних положений может (и так чаще всего бывает) осуществляться при помощи других, доказанных положений. В математике, например, доказательство истинности одних теорем проводится при помощи ссылки на другие, ранее доказанные теоремы. А они, в свою очередь, могут следовать из еще более ранних теорем. Но этот процесс не может продолжаться бесконечно. Поэтому следует посмотреть, какие же существуют возможности окончания его, т. е. какие возможны выходы из этого положения.

Процесс доказывания может иногда заканчиваться приведением таких оснований, которые уже не могут быть обоснованы путем логического доказательства, и они в этом смысле принимаются «без доказательства».

Такого рода первоосновы знания и называются *аксиомами*.

Аксиомами располагает каждая наука, ими в большей или меньшей степени вооружен каждый человек. На основе аксиом, как на фундаменте, зачастую возвышается огромное здание доказываемых логическим путем истинных положений.

В вопросе о происхождении и сущности аксиом взгляды идеализма и материализма совершенно различны.

Диалектический материализм отстаивает *опытное* происхождение аксиом, в то время как идеализм трактует аксиомы, как «внеопытные», наперед данные положения.

В практической деятельности человека надобно искать причину того факта, что истинность некоторых наших знаний воспринимается нами, как само собою разумеющаяся, не вызывающая сомнений и не требующая уже доказательств, т. е. носящая аксиоматический характер. Как отмечает В. И. Ленин, «практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, *дабы* эти фигуры *могли* получить значение *аксиом*»[1].

Таким образом, аксиомы имеют по сути то же происхождение и тот же критерий истины, что и другие наши суждения. Их особое отличительное свойство — восприниматься как суждения бесспорно истинные, не нуждающиеся в доказательстве — является результатом многократного *количества* случаев подтверждения их истинности в процессе практической познавательной деятельности человека и человечества.

Например, истинность аксиомы «часть меньше своего целого» установлена практически. Человек замечал, что часть плода меньше этого целого плода, что часть пути меньше всего пути до этого же пункта, что часть стада имеет меньше голов скота, чем все это стадо, и т. д.

Это бесконечное практическое повторение подобных наблюдений привело человека к непоколебимой уверенности в истин-

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 161.

ности общего положения о том, что «всякая часть меньше своег целого».

Если очевидные положения представляют собой наблюдени отдельного конкретного, единичного положения, *не повторяю- щегося* в наблюдениях людей такое множество раз, чтобы закре питься в сознании людей в виде некоего общего суждения, т *аксиома есть своего рода обобщение большого ряда наблюдени* единичных положений.

В этом смысле аксиома как аргумент обладает большей сте пенью абстрактности и общности, чем рассмотренные ранее «по ложения очевидные».

То, что аксиомы являются обобщением наиболее широког ряда отдельных очевидных положений, определяет и характер их, как аргументов в процессе доказательства. Они выступают как правило, в виде основного аргумента (большей посылки) в дедуктивных доказательствах, в то время как очевидные поло жения, выступая в качестве аргументов доказательства, соот ветствуют меньшей посылке в дедуктивном доказательстве или выступают в качестве одного из аргументов в индуктивном дока зательстве.

в) Факты как аргументы доказательства

Фактом обычно *называется то или иное отдельное* событи *или явление, имевшее место в действительности.* Факты, верно отраженные в суждениях, могут служить надежными аргумен тами в доказательстве. Когда мы говорим о фактах как основа ниях доказательства, то имеем в виду суждения, выражающи факты.

Характерные особенности этих суждений заключаются в том что они, как правило, носят характер *единичности* и имеют *кон- статационный* характер. Они представляют собой знания об от дельном событии, явлении, а подчас даже о многих сторонах данного события или явления, но таких, которые представляют собой видимую, внешнюю, являющуюся более доступной познанию сторону действительности, заключенную в этом факте.

Поэтому знания фактического порядка часто не отражают причин тех или иных фактических положений, а являются только *материалом* для познания причин, закономерностей.

Оценивая роль фактов в науке, акад. И. П. Павлов, обращаясь к молодежи, писал: «Факты — это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги.

Но изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите *законы* (курсив мой.— *А. Ш.*), ими управляющие»[1].

[1] И. П. Павлов, Избр. произведения, изд. АН СССР, 1949, стр. 19

Тайна возникновения факта, его сущность определяется внутренне присущими ему объективными закономерностями. Отыскивание этих закономерностей является более высокой задачей при изучении фактов, чем простое их констатирование.

При этом следует указать, что правильное обращение с фактами дает возможность из этих фактов выводить вначале наиболее легко вскрываемые закономерности, управляющие этими фактами, а знание этих последних в свою очередь помогает еще глубже понять осмысленные уже однажды факты и тем самым подойти к открытию более глубоких закономерностей, скрывающихся за ними.

В первый момент мы начинаем с того, что констатируем, как бы фиксируем в своем сознании факты, еще не давая им никакой интерпретации или толкования.

Иногда факты в состоянии, когда мы еще даже не знаем, как понять их, объяснить, живут в нашем сознании очень долгое время. В такое время суждения, при помощи которых мы отражаем в своих мыслях знание об этих фактах, носят чисто *констатационный* характер.

В силу своего констатационного характера суждения фактического порядка очень часто неверно, искаженно, односторонне истолковываются, а поэтому и используются в качестве аргументов для подтверждения таких положений, каких они в действительности подтвердить никак не могут.

На пример несостоятельного использования фактов в качестве аргументов для доказательства ложного тезиса указывалось на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 года: «...за рубежом нашлись и такие политики, которые усмотрели ослабление нашей страны в том факте, что разоблачен и обезврежен враг народа Берия. Но это близорукие политики. Каждому ясно, что коль скоро удалось разоблачить и своевременно обезвредить махрового агента империализма, то это никак не может свидетельствовать об ослаблении Советского государства» [1].

В зависимости от различных исторических условий одинаковые факты могут иметь различное значение, а поэтому и служить основанием для доказательства различных тезисов. Кроме того, факты в живой действительности тесно взаимосвязаны друг с другом, и чтобы правильно использовать их как аргументы в доказательстве, нужно учитывать эту взаимосвязь. Без соблюдения указанного условия факты не могут служить подлинными основаниями доказательства и теряют свою доказательную силу.

В. И. Ленин прямо указывал, что «факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне

---

[1] Г. М. Маленков, Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР, Госполитиздат, 1953, стр. 35.

связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [1].

Следовательно, только при диалектическом подходе к изучаемым фактам, когда они рассматриваются не изолированно друг от друга, а во взаимной связи друг с другом, мы получаем возможность опереться на факты, как на подлинные аргументы.

Иногда люди в силу определенных причин не способны объективно оценивать факты. *Объективно оценивать факты — это значит делать из них те выводы, которые действительно при всестороннем подходе к фактам из них вытекают.*

Если человек, находясь под сильным влиянием определенных чувств или стремлений, теряет способность или умышленно не хочет принимать выводы, которые следуют из данных фактов, то он начинает таким образом оценивать факты *не объективно*, а субъективно. В первом случае мы имеем неосознанное заблуждение под воздействием чувств. Этому могут содействовать и некоторые моменты, объективно присущие самим фактам, ибо каждый факт содержит в себе различные противоречивые стороны. Часто факт оценивается по действительно имеющейся у него стороне, но все же не главной, не решающей. Это значит, что сущность данного факта оказалась понята неверно, что второстепенная черта факта идеалистически раздута до роли главной, решающей, определяющей сущность данного факта, или что какая-то часть принята за целое.

Такое искаженное толкование факта, подменяющее частью целое, тем легче допускается, чем лучше оно «аргументирует» тезис доказывающего.

Иногда люди хорошо знают, *что́* именно в действительности должны доказывать настоящие факты, но тем не менее умышленно прибегают к софистическим приемам, дабы использовать настоящий факт для подтверждения угодного им тезиса. При этом они, конечно, исходят не из единственно научного принципа, согласно которому следует учитывать, соответствует ли данное истолкование факта его действительной роли в цепи событий действительной жизни или нет, а из чисто субъективного принципа подхода к фактам как аргументам доказательства. Этот принцип состоит в том, чтобы признавать истинным такое истолкование сущности факта, которое обеспечивает возможность использования его в качестве «аргумента» для доказательства истинности тезиса, который выгоден тому или иному индивидууму или классу в данный момент, независимо от того, соответствует он действительности или нет (прагматизм).

Те же факты, которые не поддаются подобной субъективно-идеалистической, прагматистской обработке, просто игнорируются.

Именно потому, что факты при верном подходе к ним являются вещью, безусловно доказательной, мы нередко наблюдаем

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 266.

случаи сокрытия фактов и их умышленной фальсификации со стороны лиц и классов, против которых они направлены.

Факты могут замалчиваться и скрываться умышленно, но они могут оставаться незамеченными и в силу неумения их видеть, неумения их заметить, в силу недостаточного уровня знаний происходящих процессов.

Что касается умения видеть факты, то в отношении этого следует сказать, что незнание кем-либо фактов, подтверждающих истинность какого-либо тезиса, еще не означает их действительного отсутствия вообще и поэтому не может расцениваться как аргумент, доказывающий ложность выдвинутого тезиса.

В этом смысле и следует понимать известное латинское изречение ignoratio non est argumentum (незнание — не есть доказательство), ибо, действительно, мы быть может не знаем фактов, подтверждающих достоверность тезиса, или потому, что кто-то от нас их специально скрыл, или потому, что не умеем их видеть, или в силу каких-то других, от нас не зависящих обстоятельств.

Очень многое в деле правильного использования фактов в качестве аргументов доказательства зависит от умения объективно оценивать факты, оценивать по их действительной сущности, как они есть на самом деле.

Буржуазные дипломаты и политики в угоду своим хозяевам-капиталистам зачастую приходят к выводам, противоречащим фактам. Желание этих людей видеть в фактах то, что угодно их хозяину, приводит подобных дипломатов к тому, что выводы ими делаются не на основании фактов, а вопреки фактам, произвольно. Факты в таких случаях остаются сами по себе, а выводы — сами по себе. Здесь мы имеем пример «произвольного вывода». Это и есть алогизм, полнейшая бездоказательность.

Ярким примером подобных действий буржуазных дипломатов может служить деятельность бывшей Комиссии ООН по Греции. В угоду англо-американским поджигателям войны эта комиссия голословно обвиняла в свое время северных соседей Греции в развязывании гражданской войны. Представитель Австралии в ООН Эватт настаивал на принятии доклада вышеуказанной комиссии даже без рассмотрения.

Большинство Совета Безопасности, привыкшее штамповать угодные американцам решения вопреки логике и фактам, не заботясь о соответствии истине принятых таким образом решений, готово было и на этот раз проштамповать подобное решение.

Разоблачая такой метод решения вопроса в ООН, применяемый реакционным большинством ООН, А. Я. Вышинский удачно иронизировал по этому поводу: «Замечательный метод, хотя не весьма разумный, который освобождает от необходимости задумываться над фактами, изучать и анализировать материалы, объективно, самостоятельно, собственными усилиями при-

ходить к тому или иному логическому заключению. Здесь логики не нужно, здесь нужно только большинство, которое могло бы проголосовать по рецепту г-на Эватта» [1].

В другом месте А. Я. Вышинский говорит по этому поводу: «Факты есть факты, логика есть логика, и мы не имеем права уходить от фактов и ломать логику только потому, что это приведет нас не к тем результатам и выводам, которые, может быть, угодны были бы организаторам и вдохновителям всего этого дела» [2].

Опора на факты как при расширении знаний, так и при обосновании их истинности нужна как в области истории, так и в области естествознания.

При этом во всех этих случаях нужно уметь находить объективно существующие связи между отдельными фактами, чтобы понять их действительную сущность и верно ими аргументировать соответствующие фактам тезисы, а не произвольно конструировать эти связи в своем сознании и навязывать их действительности.

Энгельс прямо указывал в «Диалектике природы», что «в теоретическом естествознании нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем» [3].

Как видно из высказывания Энгельса, он требовал не только находить связи, но и проверять правильность своих предположений опытным путем, ибо только тогда будет максимальная гарантия правомерности нашей аргументации при помощи фактов.

Говоря об аргументах-фактах, следует обратить внимание не только на качественную сторону при оценке доказательной силы фактов (их достоверность, правильность интерпретации и т. д.), а также и на количественную сторону, т. е. на количество фактов данного рода, что подчас имеет немаловажное значение для достаточного обоснования тезиса. «...Единичный факт не очень побеждает мысль» [4], — говорил И. П. Павлов.

Следует указать и на случаи, когда тезис достаточно обосновывается уже одним, двумя фактами, что случается, когда тезис является суждением частным (частно-утвердительным или частно-отрицательным). В таком случае его истинность вполне будет аргументирована суждением, выражающим единичный факт.

Например, для доказательства истинности тезиса «некоторые металлы не тонут в воде» достаточно констатировать факт, что «калий не тонет в воде». Это, конечно, не единственное суждение-аргумент, участвующее в обосновании указанного тезиса, но оно является основным, решающим. Один факт, кроме того,

---

[1] Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ОГИЗ, 1948, стр. 300.

[2] А. Я. Вышинский, Вопросы международного права и международной политики, 1951, стр. 158.

[3] Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 26.

[4] И. П. Павлов, Избр. произведения, изд. АН СССР, 1949, стр. 538.

может играть роль достаточного аргумента при *опровергающих* доказательствах, когда нужно, например, доказать ложность какого-либо общего суждения.

Таким образом, факты являются очень важным видом логических аргументов, широко применяемым во всех областях познания. При правильной диалектико-материалистической оценке фактов они служат надежной основой научного доказывания истинности тезиса и обладают большой силой убедительности. Отсюда становится понятным и различное отношение к фактам людей, по-различному относящихся к истине. Люди, не заинтересованные в обосновании истины, как правило, враждебно относятся к фактам, уходят от них, замалчивают и искажают факты, превратно их трактуют. Люди же, заинтересованные в познании и обосновании истины, стремятся правильно оценивать факты, обобщают их, основываются на фактах в процессе доказательства истины, стремятся правильно их истолковывать.

Правильно истолковать факты — это значит уметь видеть противоречивые стороны фактов и оценивать их по главным, решающим чертам.

Нужно рассматривать факты в их связи с другими фактами, особое внимание при этом обращая на факты, противоречащие выводу, напрашивающемуся из данных фактов. А этого легче можно достигнуть, когда, как учит Энгельс, «к диалектическому характеру естественно-научных фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления» [1].

г) Законы науки как аргументы доказательства

Марксизм придерживается того взгляда, что мы отражаем в нашем сознании не только единичное, специфическое для того или иного явления, но и способны охватить устойчивое, повторяющееся, всеобщее, *закономерное* в явлении.

В. И. Ленин говорит, что *«закон есть прочное (остающееся) в явлении»* [2] (курсив мой.— *А. Ш.*).

Явления объективной действительности детерминистичны по своей природе. Опыт каждого отдельного человека и опыт развития науки и техники в целом подтверждает, что в природе существует объективный порядок вещей. Поэтому марксизм в полном согласии с самой действительностью и с историей развития естествознания учит об объективном существовании закономерностей развития материи.

Идеализм же, наоборот, так или иначе отбрасывает существование объективных закономерностей природы и считает, что они лишь самостоятельные плоды нашего сознания, рожденные независимо от природы и лишь великодушно подаренные ей, привнесенные в нее человеческим разумом. Эта ложная концепция, конечно, не дает возможности понять роль законов в познании.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 14.
[2] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 126.

Диалектико-материалистический же подход к процессу познания дает возможность подлинно научно осветить сущность законов. При этом, в частности, следует обратить внимание на то, что законы *выступают не только как цель познания; будучи познанными, они вместе с тем выступают и как средство дальнейшего познания.*

Таким образом, закон-цель при непрерывном поступательном движении нашего познания действительности превращается в закон-средство дальнейшего успешного познания ее. В том случае, когда закон науки используется нами как средство познания, он выступает не только в качестве посылки для получения вывода, но и как аргумент для доказательства истинности тезиса.

Закон обычно формулируется в виде общего суждения аподиктической модальности.

Открыть закон, конечно, нелегко, но зато и познавательное значение суждения, выражающего закон, неизмеримо выше суждения иного рода.

«...Где на поверхности происходит игра случайности,— говорит Энгельс,— там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы» [1].

Познавательная ценность закона науки обусловлена его характерными особенностями.

Во-первых, закон науки представляет собой знание *всеобщего* свойства определенного круга явлений.

Во-вторых, закон науки представляет собой выражение знания о *необходимом* отношении явлений определенного рода.

В-третьих, всякий подлинный закон науки отражает сущность явлений. «*...Закон* и *сущность,*— говорит Ленин,— понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира etc.» [2].

Люди учитывают эту познавательную ценность законов науки и естественно стремятся опереться на них как в своей практической деятельности, так и в своем дальнейшем познании действительности.

Формы использования уже известных законов в процессе дальнейшего познания действительности самые разнообразные. И если учесть при этом, что подлинные законы науки относятся к числу знаний, достоверность которых наиболее тщательно проверена, то станет ясно, почему они находят самое широкое применение как аргументы в доказательстве, причем именно как последние аргументы в довольно длинной иногда цепи обоснования истинности выдвинутого тезиса.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произведения в двух томах, т. 2, стр. 371.

[2] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 127.

У некоторых логиков (например, Челпанова) существует неверное представление о том, что к открытию закона наша мысль движется только индуктивным путем, т. е. только от частного к общему. Такое одностороннее представление о логических способах выведения закона только при помощи индуктивного умозаключения приводит Челпанова к другой ошибке. Он заявляет, что доказательство «облекается в силлогистическую форму» или что «доказательство вообще имеет формулу силлогистического умозаключения...» [1].

Это значит, с точки зрения применения закона как аргумента в доказательстве, что закон может обосновывать только суждение менее общее, ибо ясно, что раз доказательство осуществляется в форме силлогизма, то тезис будет соответствовать выводу силлогизма, а аргументы — посылкам.

Таким образом, отрицание Челпановым возможности открытия закона науки дедуктивным путем вызвано непониманием того, что законы могут быть различной степени общности — сравнительно более общие и менее общие. Это-то и приводит его к отрицанию возможности применения законов в качестве аргументов в индуктивном доказательстве, существование которого он фактически отрицает.

Для доказательства ложности этого челпановского положения сошлемся хотя бы на один противоречащий случай. Возьмем пример обоснования более общей закономерности при помощи закономерностей менее общих.

Так, доказательство тезиса, являющегося всеобщим биологическим законом, «Все организмы изменяют свою наследственность под воздействием внешней среды» может быть достигнуто индуктивным путем при помощи ссылки на аргументы, являющиеся также законами, но только менее общими: 1) «Все растительные организмы изменяют свою наследственность под воздействием внешней среды»; 2) «Все животные организмы также изменяют свою наследственность под воздействием внешней среды». А так как этими двумя видами исчерпывается понятие «организмы», следовательно, надо признать за истину выдвинутый тезис о том, что «Всякий организм изменяет свою наследственность под воздействием внешней среды».

Наряду с отрицанием индуктивного доказательства отдельными логиками (Челпанов) встречается в логике и противоположная крайность — отрицание дедуктивного доказательства. Так, английский логик Ф. Бекон заявляет, что он отбрасывает доказательство посредством силлогизма потому, что оно действует неупорядоченно и упускает из рук природу.

Из приведенных положений следует, что метафизическое противопоставление индукции и дедукции, а отсюда и односторонняя оценка их, неизбежно ведет к ошибочному решению ряда других вопросов, так или иначе связанных с ними. Это мы ясно

---

[1] Г. И. Челпанов, Учебник логики, Госполитиздат, 1946, стр. 125.

видим на примере порочного решения вопросов доказательства Челпановым и Беконом.

Законы науки находят самое широкое применение не только в процессе выведения новых знаний, но также и в процессе их обоснования. Так как законы науки выводятся различными способами умозаключений, то и применяются они в качестве аргументов в самых разнообразных формах доказательства.

Такой вид аргументов, как закон, не всегда может быть налицо для доказательства нужного нам положения, ибо он может быть еще неизвестен, так как путь к действительному познанию закона более длинен и более сложен, чем путь к познанию отдельного факта, явления или даже общего предположения.

«Если бы мы захотели ждать,— говорит Энгельс,— пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» [1].

Использование всякого закона как аргумента в доказательстве должно осуществляться при учете границ и условий действия данного закона. Беспечность в этом отношении легко может привести к грубым логическим ошибкам.

Ценность законов науки, как аргументов доказательства, исключительно велика, и поэтому *законы науки находят самое широкое применение в качестве аргументов доказательства.* Но тем не менее есть необходимость указать на возможную переоценку роли законов в доказательстве, предупредить об угрозе абсолютизации их истинности, об угрозе догматического применения закона в качестве аргумента доказательства.

В том случае, когда обоснование одного и того же тезиса правомерно можно вести при помощи различных видов аргументов (в том числе и при помощи закона), то предпочтение следует отдать доказательствам при помощи ссылки на закон, ибо такого рода доказательства будут более краткими, простыми и, как правило, более убедительными.

Важное значение законов как аргументов доказательства заключается еще в том, что, опираясь на их основание, можно *научно доказать* тезисы, выраженные в аподиктической модальности и отражающие исторические события, которым еще лишь суждено наступить.

Замечательным примером этого может служить научное доказательство неизбежной гибели капитализма и победы диктатуры пролетариата, данное Марксом и Энгельсом на основании ими же открытых законов развития капиталистического общества.

д) Определения и деления понятий как аргументы доказательства

Всякое понятие, при помощи которого мы отражаем в нашем сознании объективную действительность, имеет две стороны, неразрывно связанные между собой,— содержание и объем.

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 191.

Определением понятия называется такой логический прием, при помощи которого мы раскрываем содержание понятия.

Делением же называется такой логический прием, при помощи которого мы раскрываем объем понятия.

Деление и определение понятий являются своего рода кратким итогом нашего познания действительности, отраженного в этом понятии. С точки зрения формы мысли, эти итоги подводятся нами в виде определительных и разделительных суждений, которые имеют большое значение для доказательства.

Оба эти приема нашей познавательной деятельности тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга и направлены к одной цели — уточнить наши понятия, причем каждый прием делает это по-своему.

Определение, раскрывая содержание, указывает на существенные признаки понятия и помогает тем самым выделить из общей массы предметов действительности именно те, сущность которых мы отражаем в данном понятии. Таким образом, уяснение сущности понятия способствует распознаванию круга предметов, охваченных этим понятием, т. е. раскрытию его объема.

Деление же понятия раскрывает объем понятия при помощи указания различных видов предметов, охваченных данным понятием, и тем самым позволяет нам полнее и яснее представить себе то многообразие свойств, которое присуще предметам, отраженным в делимом понятии.

Если учесть указанную диалектическую взаимосвязь определения и деления понятий, то станет ясной неправомерность игнорирования вопроса о роли деления понятий в логическом доказательстве.

Вопрос о роли определения в доказательстве освещается в ряде пособий по логике. Так, в книге проф. В. Ф. Асмуса «Логика» справедливо указывается, что «никакая наука... не может доказывать своих положений без точного определения понятий, входящих в эту науку и во все ее доказательства»[1]. Здесь же мы находим утверждение и о том, что «все исходные основания являются либо *определениями* основных понятий данной науки, либо ее *аксиомами*», а также что «определение, например, вертикального угла предполагает согласие между геометрами о том, какое содержание разумеют они, когда речь идет о вертикальных углах»[2]. Полностью принять это утверждение проф. Асмуса нельзя.

Во-первых, нельзя сводить все исходные или последние основания доказательства, т. е. такие положения, далее которых мы обычно не ведем логического обоснования, *только* к определениям и аксиомам. В качестве таковых могут выступить и факты, и очевидные положения, и деление понятий, и т. д.

---

[1] В. Ф. Асмус, Логика, Госполитиздат, 1947, стр. 366.
[2] Там же, стр. 367.

Во-вторых, нельзя сводить роль определений только к его функции объяснения смысла, вкладываемого в тот или иной термин. Конечно, эта сторона имеется во всяком определении и иногда она даже превалирует в нем. Наиболее часто она встречается в тех случаях, когда предварительно дается определение какого-либо сложного понятия или нового термина, вводимого автором для обозначения довольно простого явления, как, например: «Биссектрисой будем называть линию, разделяющую угол пополам».

Но во всяком определении есть и другая сторона, а именно: подытоживание самого существенного в каком-либо отношении в познаваемом объекте. При этом встречаются определения, в которых преобладает вторая сторона.

Определения первого рода, в которых наиболее заметным моментом является *оговаривание смысла, вкладываемого в данный термин,* действительно служат последними основаниями, не требующими доказательства. Определения понятий второго рода, в которых превалирует момент *краткого* подытоживания познанного существа предметов, не могут рассматриваться только как *исходные* основания науки — они сами являются предметом длительного доказывания и обоснования.

Определения понятий второго рода иногда могут превращаться в предмет спора, становиться тезисом доказательства. Но их ценность как аргументов доказательства от этого нисколько не уменьшается, напротив, подводя краткий итог нашему познанию главного, существенного в предмете, определения становятся нашей надежной опорой в дальнейшем познании действительности, а следовательно, и доказательстве истинности наших знаний.

В упомянутой выше «Логике» проф. В. Ф. Асмуса так говорится о роли определений в доказательстве: «Установление системы принятых в данной науке определений устраняет ту сбивчивость в понятиях, которая была бы неизбежной, если бы относительно терминов, означающих эти понятия, не существовало согласия»[1]. Однако, при этом необходимо уточнить, *что* же должно лечь в основу этого «согласия».

Если «согласие» понимать, например, как такое, которое основано на *случайном совпадении* вкладываемого в него различными субъектами содержания, тогда это будет идеалистическое понимание роли определений в доказательствах, чисто прагматическим отрицанием возможности отразить в понятиях сущность предметов и явлений действительности.

Так, по теории прагматистов сущность предмета всецело зависит от точки зрения субъекта, а не от объективно присущих самому предмету свойств. Для врача, говорит, например, прагматист Шиллер, сущность человека в том, что он имеет тело, а для теолога — в том, что он имеет душу. Поэтому, «как мы

---

[1] В. Ф. Асмус, Логика, Госполитиздат, 1947, стр. 367.

можем знать, что есть сущность?»,— вопрошает Шиллер. При таком подходе к делу определения не могут быть едиными, согласованными в силу объективной необходимости, а могут быть согласованными лишь в силу субъективного согласия.

На основе же материалистической позиции принятие или согласие с определением не будет чем-то чисто субъективным, за которым не кроется никаких объективных оснований. Ведь сама *возможность* согласования определения понятий заключается в том, что в самом определяемом объекте существуют независимые от воли и сознания определяющих качества, которые оказываются одинаково правильно отраженными в сознании различных субъектов. Под воздействием объективно существующих признаков у самого предмета складываются согласованные определения понятий.

Момент «согласия», т. е. признание верности того или иного определения сторонами в дискуссии, тоже имеет большое значение. Тем не менее решающим является не само по себе согласие, а верное отражение сущности предметов нашей мысли в определяемом понятии.

В этом смысле «принятые» определения являются основаниями доказательства, ибо для того, кто их не примет, они не смогут служить аргументами, а значит — и никакое доказательство при их помощи не сможет состояться.

Таким образом, принятие или непринятие данного определения за истинное — безусловно важный момент при осуществлении доказательства. В этом смысле говорят о принятых определениях, как об основаниях доказательства.

Так, например, в заявлении Главы делегации корейской и китайской стороны генерала Нам Ира на переговорах о перемирии в Кессоне говорится: «В вопросе о кандидатурах нейтральных стран наша позиция полностью обоснована. Мы предложили кандидатуры трех стран, которые полностью соответствуют согласованному определению нейтральной страны» [1].

В данном случае предварительная договоренность о том, как определять понятие «нейтральная страна», явилось важным условием для дальнейшего успешного хода переговоров, ибо, ссылаясь на наличие такого принятого сторонами определения, можно заставить оппонента принять и конкретные кандидатуры стран, выдвигаемых в качестве членов инспекционной комиссии.

Отсюда следует, что для успешного ведения дискуссии оппонентами должны быть *обоюдно приняты* определения соответствующих понятий. Без этого никакое *движение* дискуссии, никакое доказательство невозможно.

Правда, бывают случаи, когда принятыми могут оказаться совершенно ложные определения. Следовательно, принятие или непринятие определений не может служить главным основанием

---

[1] «Правда» от 9 мая 1952 г.

для использования определений в качестве аргумента. Это основание следует видеть в том, что определения раскрывают существо содержания того или иного понятия, что они имеют объективное значение, *независимо* от того, что кто-то не признает их. Такие определения могут быть действительно надежными основаниями в доказательстве истинности соответствующих положений.

Определение может иметь большое значение в уяснении смысла, а следовательно, и доказательства истинности той или иной теории. Так, В. И. Ленин с одобрением, например, цитирует критическое замечание Ковеларта по адресу махистов о том, что «от точного определения терминов: опыт и чистый опыт зависит смысл всей этой философии. Авенариус не дает такого точного определения» [1].

И действительно, чем может помочь в уяснении содержания понятия «чистый опыт» определение, данное Авенариусом в «Систематической философии»: «Чистый опыт есть такой опыт, к которому не примешано ничего такого, что бы, в свою очередь, не было опытом» [2].

Естественно, что такое попирающее правила логики «определение» представляет собой простую тавтологию и ни в какой мере не раскрывает сущности понятия «чистый опыт». А в случае отсутствия четкого определения содержания такого понятия, как опыт, невозможно уяснить смысла всей теории, построенной при помощи этого понятия, следовательно, невозможно вести научное обоснование ее.

В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» по этому поводу пишет: «Из истории философии известно, что толкование понятия опыт разделяло классических материалистов и идеалистов» [3].

Так обстоит дело с определениями как основаниями доказательства.

Рассмотрим значение деления в доказательстве.

Познавая действительность, человек объединяет в своем сознании иногда очень большие группы предметов, сходных в каком-либо отношении, удерживая при этом в своей памяти только общие и наиболее существенные признаки их. Так возникают общие или родовые понятия.

Если в родовом понятии отражено большое число предметов или явлений действительности, то естественно, что внутри рода есть возможность выделить виды, т. е. группы предметов или явлений, входящих в данный род и имеющих сходные существенные признаки. Эти дополнительные существенные признаки у вида позволяют *объединить* на основе уподобления некоторое количество особей данного рода в единство вида, а также *отде-*

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 136.
[2] См. там же, стр. 135.
[3] Там же, стр. 136

лить их от других групп особей рода на основании отсутствия у них подобных свойств.

Результат этой познавательной работы, подчас очень сложной и длительной, завершается в таком логическом приеме, как деление понятий.

Деление понятий представляет собой прием, при помощи которого мы раскрываем объем того или иного общего понятия. С этой целью мы перечисляем все виды данного рода, выделенные при помощи одного основания.

Воплощается деление понятий в классификационном суждении, которое имеет большое познавательное значение и, наряду с некоторыми другими видами суждений, применяется в качестве аргументов, незаменимых при некоторых формах доказательства.

Классификационное суждение будет всегда утвердительным в силу того, что в нем указываются *имеющиеся* виды данного рода.

Во всяком делении понятия мы прежде всего раскрываем его объем, но это не значит, что при этом мы ничего не получаем для расширения наших знаний о содержании этого понятия. Ведь перечисление видов данного рода обогащает наши знания знанием тех особых качеств предметов, отраженных родовыми понятиями, которые присущи не всем предметам, а лишь группам предметов данного рода.

Деление понятий обязательно применяется как аргумент в дизъюнктивных доказательствах. При этом классификационное суждение в таких доказательствах является основным аргументом, без наличия которого вообще невозможно осуществить подобное доказательство.

Так, например, для доказательства тезиса «этот раствор имеет щелочную реакцию» мы можем воспользоваться в качестве аргумента суждением, выражающим деление понятия,— «этот раствор есть или кислотный, или щелочной, или нейтральный». И затем берем второй аргумент, полученный в результате проверки взаимодействия данного раствора с лакмусовым индикатором. Если установлено, что этот раствор не является ни нейтральным, ни кислотным, то можно считать доказанным, что этот раствор является щелочным.

Деление понятий имеет свои глубокие объективные основания в самой природе вещей. Дело в том, что предметы и явления, объединяемые в общем понятии, дифференцированы. Дифференциация материи, указывает Энгельс, это условие ее развития. Поэтому применяемые в качестве основания деления признаки предметов являются не чем-то вымышленным, субъективным, а носят объективный характер, а следовательно, и применение деления как аргумента в доказательстве имеет объективные основания и дает возможность доказать объективную истину.

Прагматисты и в этом вопросе рассуждают идеалистически. Они считают, что выбираемые нами основания делений носят чисто субъективный характер, так как против всякого основания можно, мол, возразить, предложить другое и т. д. Поэтому прагматисты считают бесполезными все наши классификации.

Такое отрицание научного и познавательного значения классификаций прагматистами является вместе с тем и отрицанием роли деления понятий, как очень важного и крайне необходимого вида аргументов логического обоснования объективной истины.

е) Иные, ранее доказанные положения как аргументы доказательства

Что касается иных, доказанных ранее положений, применяемых в качестве аргументов доказательства, то о них остается сказать немногое. Это — обычно суждения, ранее доказанные логическим путем, но не имеющие признаков рассмотренных выше видов аргументов, т. е. не являющиеся законами, определениями или делениями понятий.

Чаще всего это — суждения частные: частно-утвердительные или частно-отрицательные. Возникают они или как результат некоторого обобщения фактов, или как вывод дедуктивного умозаключения.

Примером образования подобного рода аргументов при помощи неполного обобщения фактов может служить следующий случай. Например, агроном просматривает посевы картофеля и замечает, что один клубень картофеля поражен раком, затем замечает через несколько клубней другой, третий и т. д., также пораженные раком. Обратив на это внимание, агроном стремится установить степень пораженности картофеля этим заболеванием. Для этой цели он в разных частях поля внимательно осматривает по сто клубней и устанавливает, что из каждых ста проверенных клубней 60—70% оказались зараженными раком. Это позволило ему обоснованно прийти к следующему частно-утвердительному суждению: «на этом поле более 60% клубней картофеля поражены раком». Такое суждение уже может быть использовано в качестве аргумента для обоснования тезиса: «посев картофеля на этом поле должен быть уничтожен».

В книге В. М. Богуславского «Упражнения по логике», освещающей и некоторые теоретические вопросы логики, имеются, в частности, высказывания, относящиеся к подобному виду аргументов. Так, в разделе «Анализ доказательства» автор пишет о том, какие суждения являются основаниями приведенного им доказательства: «Всего здесь имеется, таким образом, шесть посылок. Что представляет собою меньшая посылка второго умозаключения? Это — суждение, являющееся заключением первого силлогизма. Следовательно, это — посылка, истинность которой получает свое обоснование в пределах данного доказательства.

Точно так же получает свое обоснование в пределах данного

доказательства меньшая посылка третьего умозаключения, ибо это — суждение, являющееся заключением второго силлогизма.

Что касается остальных четырех посылок, то все это — суждения, истинность которых в пределах данного доказательства не обосновывается. Это — суждения, истинность которых была обоснована в свое время вне и независимо от данного доказательства.

Следовательно, эти четыре суждения (обе посылки первого силлогизма и большие посылки второго и третьего силлогизмов) и являются основаниями (доводами, аргументами) данного доказательства» [1].

Таким образом, совершенно ясно, что автор приведенного отрывка не считает аргументами те суждения, которые хотя и обосновывают тезис доказательства, но сами получают свое обоснование в ходе данного сложного доказательства.

По мнению доц. Богуславского, аргументами в доказательстве следует считать только те суждения, которые нашли свое обоснование вне данного доказательства. Но с этим нельзя согласиться. Ведь при подобном подходе к делу одно из двух оснований в заключительном силлогизме сложного доказательства, непосредственно обосновывающее основной тезис доказательства, также не будет признано за аргумент. Невольно возникает вопрос, а какой же частью доказательства оно тогда будет? Подобное суждение лишается права называться аргументом в данном случае только потому, что оно само несколько выше, в этом же сложном доказательстве, уже встречалось в роли тезиса.

Фактически же в сложных доказательствах одно и то же суждение правомерно может выступать в одной части доказательства как аргумент, а в другой его части как тезис. И ни одну из этих его функций упускать из виду не следует.

В сложном доказательстве целесообразно отличать те суждения, которые выступают *только* в роли аргументов (их можно было бы назвать *первичными аргументами сложного доказательства*), от тех суждений, которые играют в сложном доказательстве двоякую роль. Последние можно было бы назвать *производными* аргументами сложного доказательства. Но ни в коем случае нельзя исключать их вообще из числа аргументов сложного доказательства.

3. Правила относительно аргументов доказательства

Чтобы доказательство в целом выполнило свою функцию, необходимо, чтобы каждая часть доказательства удовлетворяла определенным требованиям. Это в полной мере относится и к такой важной составной части доказательства, как аргумент.

---

[1] В. М. Богуславский, Упражнения по логике. Пособие для средней школы, Учпедгиз, 1952, стр. 132.

Давно, из наблюдений над процессами доказывания истинности тезиса было замечено, что в одном случае на основании определенных аргументов тезис оказывался обоснованным верно, он оказывался положением действительно истинным, в то время как в другом случае он принимался за истину ошибочно.

Так, по методу разницы, на основании опыта доказывания у человека появилось представление о существовании объективных, независимых от воли доказывающего свойств аргументов, наличие которых только и может обосновать истинность того или иного конкретного тезиса. Обратив на это внимание, человек начал запоминать те необходимые условия, при отсутствии которых суждения не в состоянии выполнить роль аргументов.

Выяснение человеком тех свойств, которыми обладали аргументы в *некоторых случаях* успешного осуществления доказательства, приводило его к мысли, что и *во всех остальных случаях* доказывания аргументы также должны обладать подобными свойствами.

Со временем доказательства стали строиться человеком с учетом этих требований, выполнение которых стало постепенно осознаваться, как необходимость соблюдать определенные правила. Соблюдение определенных правил при подборе аргументов для обоснования тезиса могло проходить и стихийно, неосознанно, в силу одного лишь практического навыка в построении доказательств. Однако, в таком случае доказывающий не смог бы объяснить, почему именно так, а не иначе должны подбираться аргументы. Он обычно не мог бы сразу четко и ясно сформулировать те правила, которые им были соблюдены при построении доказательства.

Безусловно, следует предпочесть такое положение, при котором доказывающий четко и ясно знает правила, которые необходимо соблюдать при построении доказательств. В таком случае, с одной стороны, уменьшается возможность допущения ошибок в доказательстве, и, с другой стороны, возрастает возможность вскрывать и исправлять уже допущенные в доказательстве ошибки. Поэтому вся работа по изучению сущности доказательства, его структуры, характеристики составных частей, видов доказательства и т. д. является наиболее целесообразной тогда, когда она завершается выведением и формулированием конкретных правил, усвоение которых дает возможность сознательно применять их при построении доказательства.

Без выведения и усвоения правил логического доказательства снижается эффект от изучения теории доказательства, так как воздействие знания теории доказательства на практику доказывания в значительной степени происходит через сознательное применение правил доказательства.

Приведенные выше рассуждения направлены (кроме всего прочего) на то, чтобы подчеркнуть объективный характер правил логического доказательства в целом, и правил, относя-

щихся к аргументам доказательства, в частности. Это необходимо потому, что, будучи познанными наукой логикой, эти правила формулируются ею и становятся как бы независимыми от тех конкретных практических случаев доказывания, от которых они отвлечены. В сознании же человека, который не сам вывел эти правила, а почерпнул их из учебника, где они поданы в готовом виде, подчас без достаточного объяснения и обоснования, правила эти могут представиться как диктуемые наукой логикой произвольно, независимо от самой природы логических доказательств. В действительности же это не так.

Рассмотрим, каковы же те правила в отношении аргументов доказательства, соблюдение которых является необходимым условием обоснования истины.

а) Первое правило

Для выведения правила проанализируем конкретный случай доказательства.

Человек, плохо знающий Конституцию СССР, заявил, что Татарская АССР имеет полное право на выход из состава Советского Союза. Когда присутствующие подвергли сомнению высказанное им положение, он попытался доказывать истинность своего положения. «Согласно Конституции,— сказал он,— советская республика имеет полное право выхода из состава Советского Союза, а Татарская АССР является советской республикой, следовательно, и за ней сохраняется полное право выхода из состава Союза ССР».

При проверке это доказательство оказалось явно несостоятельным. Простое обращение к тексту Конституции помогло уяснить причину ложности тезиса.

Оказывается, в Конституции Союза ССР в ст. 17 говорится: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР»[1]. Следовательно, речь идет о союзных республиках, а не вообще о советских республиках. Это значит, что указанное положение о праве выхода из Союза ССР не распространяется на автономные республики.

Таким образом, один из аргументов, приводившийся в пользу тезиса, был суждением ложным. Второй же аргумент был суждением истинным. Связь между мыслями в процессе доказательства соответствовала законам логики. Следовательно, источник несостоятельности доказательства следует видеть только в ложности первого аргумента.

Рассмотренный выше пример доказательства показывает, что ложность хотя бы одного аргумента приводит к тому, что доказательство не достигает своей цели, перестает быть *закономерным* обоснованием истинности тезиса.

При этом мы подчеркиваем именно *закономерную обоснованность* истинности тезиса, ибо доказательства, в которых тезис

[1] Конституция (основной закон) СССР, Госюриздат, 1951, стр. 17.

случайно оказался суждением истинным, нас не устраивают, потому что такие доказательства не будут научно обоснованными, так как тезис может быть, а может и не быть истинным. Научная состоятельность доказательства еще больше уменьшается в тех случаях, когда в доказательстве будет не один, а два ложных аргумента (при дедуктивной форме доказательства) или даже несколько ложных аргументов (при индуктивной форме доказательства).

Поэтому первое правило относительно аргументов доказательства гласит: *аргументы доказательства должны быть суждениями истинными.*

Необходимость этого качества аргументов можно обосновать, исходя из самого существа доказательства как процесса логического обоснования истинности одного суждения при помощи других суждений, истинность которых установлена.

Объективные источники необходимости соблюдения этого правила доказательства следует видеть в том, что не только в самой действительности, как объекте познания, все взаимосвязано и взаимообусловлено, но и в мыслях, отражающих эту действительность, при условии правильного ее отражения, также существует определенная закономерная взаимосвязь, определенная взаимообусловленность истинности мыслей. Так, в частности, необходим строго определенный комплекс условий, при которых только и становится возможным установление истинности какого-либо суждения при помощи сопоставления его с иными суждениями. И одним из таких условий в этом комплексе относительно аргументов должна быть их *истинность*.

В связи с этим следует остановиться на точке зрения по затронутому вопросу английского логика Рихарда Уэтли, который сначала сводит все доказательства только к силлогизмам, заявляя, что «некоторые логики думают, будто возможно доказательство, в сущности не силлогистическое». Сам он подобную возможность отбрасывает, а затем объявляет истинность и убедительность доказательства зависимыми только от самой формы выражения. «Силлогизм... есть доказательство,— пишет он,— выраженное таким образом, что его верность (убедительность) очевидна из самой формы выражения, каково бы ни было значение терминов» [1].

Здесь Уэтли проповедует сугубо формалистический, иными словами идеалистический подход к вопросу об условиях истинности доказательства. Подобный подход базируется, во-первых, на идеалистическом понимании критерия истины как только соответствия наших рассуждений некоей идеальной форме построения мыслей и, во-вторых, на полном метафизическом разрыве формы мысли и ее содержания. Ибо что значит заявление Уэтли о том, что убедительность очевидна из самой формы выражения: «каково бы ни было значение терминов»? Если даже

[1] Р. Уэтли, Основания логики, СПб, 1873, стр. 141.

учесть, что форма мысли в действительности имеет *относительную самостоятельность,* относительную независимость от содержания в определенных рамках, то это не даст никакого права абсолютизировать эту относительную самостоятельность, так как достаточно бывает иногда замены одного единственного термина или изменения объема, как изменится содержание аргументов, а следовательно, доказательство потеряет свою убедительность и истинность. Таким образом, истинность аргументов — это их необходимое свойство.

б) Второе правило

Если верно, что всякий аргумент, который выставляется в подтверждение данного тезиса, должен быть суждением истинным, то из этого еще не следует, что всякое истинное суждение может быть аргументом, подтверждающим истинность данного тезиса. Дело в том, что хотя в природе все явления взаимосвязаны в такой степени, что «всякое отдельное тысячами переходов связано с другого ***рода*** отдельными (вещами, явлениями, процессами)»[1], тем не менее, нельзя все связи данного отдельного предмета или явления с другими предметами или явлениями рассматривать как *равнозначащие.* Одни из них являются важными, решающими, *первостепенными,* а другие — маловажными, несущественными, связями *второстепенного порядка.* При наличии одних условий действительности следствие неизбежно наступает, а наличия некоторых других пока недостаточно — и поэтому следствие не наступает.

Аналогичное положение мы имеем и в мышлении. При наличии знания об истинности одних суждений мы можем с достоверностью делать вывод об истинности интересующего нас тезиса, а при наличии знания об истинности некоторых других суждений мы такого права не имеем. Иными словами, *только некоторые из истинных суждений,* и то в определенных сочетаниях, *могут быть достаточными для обоснования истинности того или иного конкретного тезиса.*

Рассмотрим пример, в котором истинные и при том связанные, конечно, в какой-то степени, с тезисом суждения все же не могут служить достаточным логическим основанием для удостоверения его истинности. Так, на III съезде партии один из делегатов Иванов *доказывал* мысль о том, что наличие нескольких центров партии является причиной разногласий, а в силу этого предлагал избрать только один руководящий центр. В подтверждение своего положения он ссылался на то, что на II съезде уже избиралось три центра, а после съезда начались разногласия в партии.

В. И. Ленин, выступая по этому поводу, заявил: «Должен признаться, что аргументы, которыми т. Иванов защищает свою

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 329.

идею единоцентрия, кажутся мне несостоятельными». И далее: «Во всем построении т. Иванова я вижу ошибку, предусмотренную логикой: post hoc, ergo propter hoc (после этого — значит, по причине этого.— *А. Ш.*). Так как три центра нам, извините за выражение, напакостили,— то пусть будет у нас один центр. Я не вижу здесь «propter»! Наши беды обусловлены были не механизмом, а личностями» [1].

В рассуждениях Иванова разногласия, наблюдаемые *после* избрания трех центров, рассматриваются, как разногласия, возникшие по *причине* наличия трех центров. Ссылка на следование во времени одного явления за другим не может еще рассматриваться как достаточное основание того, что они находятся между собой в причинно-следственной зависимости. А поэтому, хотя Иванов и приводил в качестве аргументов суждения, сами по себе истинные, соответствующие действительности, но, тем не менее, эти его суждения не могли обосновать истинность выдвинутого им тезиса. Самое большое, на что мог рассчитывать Иванов при выставленных им аргументах, это предположить, что *возможно* разногласия, наблюдавшиеся *после* избрания трех центров, были *следствием* избрания такого количества руководящих органов. Но даже такое предположение может быть сделано только на время, до тех пор, пока не будут приняты во внимание некоторые иные, опрокидывающие данное предположение факты — хотя бы то, что разногласия существовали, прежде всего, между отдельными людьми в том или ином руководящем органе. Делать же категорический вывод в данном случае нет никаких оснований.

Учитывая приведенные выше рассуждения, следует указать на существование второго правила относительно аргументов доказательства: *аргументы должны с необходимостью обосновывать истинность того тезиса, в подтверждение которого они выдвинуты.*

При этом, конечно, имеется в виду, что когда решается вопрос относительно достаточности данных конкретных аргументов для обоснования какого-либо конкретного тезиса, то учитывается не только содержание терминов суждения и характер связи между ними, а также и модальность суждения. Ибо, возможно, суждение проблематическое *будет* вытекать из данных аргументов, а суждение этой же материи только иной модальности (ассерторической или аподектической) уже *не будет* следовать с необходимостью из данных аргументов.

В рассмотренном нами выше примере аргумент, приводимый в подтверждение тезиса, хотя и не обосновывал истинности тезиса, но все же оставался, так сказать, нейтральным по отношению к тезису, не вступал с ним в противоречие. Но бывают случаи, когда в подтверждение тезиса приводится такой аргумент, который при объективном и всестороннем его рассмотрении ока-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 381.

зывается суждением, не только не подтверждающим тезиса, а наоборот, опровергающим тот тезис, в подтверждение которого он приводится.

Так, например, некоторые товарищи в подтверждение мысли, что национальный язык есть фикция, что национального языка не существует, выдвигали тот аргумент, что в одной нации существует несколько диалектов и жаргонов, а диалекты и жаргоны используются только отдельными частями нации и непонятны другим ее частям. Такой аргумент сторонников точки зрения об отсутствии общенационального языка выступает против их же тезиса, потому что, если существуют диалекты, непонятные всей нации и поэтому немогущие служить средством общения для целой нации, то должен существовать единый общенациональный язык как средство общения нации. Ибо нация — это исторически сложившаяся общность территории, экономической жизни, психического склада, проявляющаяся в общности культуры, поэтому-то она и не может существовать без единого и понятного целой нации языка.

При всестороннем подходе к делу аргумент, приводившийся в подтверждение тезиса об отсутствии общенациональных языков, в действительности опровергает этот тезис и, наоборот, подтверждает антитезис. Такого рода аргумент можно было бы образно назвать аргумент-бумеранг. Бумеранг, как известно, это метательное деревянное орудие, которое может при недостижении цели вернуться к тому, кто его метнул. Так и указанный выше аргумент, не достигая цели (обоснования тезиса), возвращается против того, кто его выдвинул (опровергает тезис).

Однако рассмотренное выше положение о существовании аргументов-бумерангов не дает никакого права считать, что истину с объективной необходимостью обосновать нельзя, что любой аргумент — «что дышло, куда повернешь, туда и вышло», что «аргументы есть на все». Это неверно. *Действительные аргументы существуют только для обоснования истины,* а кажущиеся или ложные действительно «могут быть на все».

В чем же кроется возможность того, что иногда суждения приводятся в качестве аргументов в подтверждение таких тезисов, которых они в действительности не подтверждают, а даже опровергают? Дело в том, что все явления действительности, даже самые простые, имеют всегда противоречивые стороны, противоречивые тенденции, а поэтому при одностороннем подходе к ним можно в качестве аргумента приводить лишь одну, притом несущественную для данного тезиса сторону явления. Вторая же важная и решающая для данного тезиса сторона явления остается или незамеченной вследствие одностороннего подхода, или умышленно обойденной.

в) Третье правило

Наши знания всегда имеют суждения, истинность которых нами бесспорно установлена. Среди этих суждений мы и ищем

те из них, которые могут с достаточной необходимостью подтвердить истинность данного тезиса.

Но существуют, кроме того, суждения, об истинности которых мы не можем сказать ничего определенного, так как она является еще предметом исследования и обоснования, или доказательство истинности которых является сомнительным, вызывающим законные возражения. Это — суждения, о которых мы не можем сказать, что они ложны, но и не можем, вместе с тем, не нарушая требований закона достаточного основания, принять их за истину.

Несмотря на неопределенность отношения к истине, подобного рода суждения нередко выставляются в качестве аргументов для доказательства тезиса, хотя это можно делать, только попирая требования закона достаточного основания, принимая за истину без основания то, что еще требует своего обоснования, или принимая кажущееся обоснование истинности подобного суждения за действительное его обоснование.

Каковы же результаты доказательств, осуществляемых при помощи такого типа аргументов, и каково должно быть к ним отношение в том случае, если доказывающий искренне стремится с достаточной необходимостью обосновать истинность тезиса?

Для получения ответа на поставленный вопрос рассмотрим вначале конкретные случаи применения подобных суждений в качестве аргументов и результаты, к которым это приводит.

Первый случай. Рассмотрим доказательство Дюрингом тезиса о том, что «мир имеет начало во времени». «...Допустим, — пишет он, — что мир не имеет начала во времени, то до всякого данного момента времени прошла вечность — и, следовательно, истек бесконечный ряд последовательных состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Следовательно, бесконечный протекший мировой ряд невозможен» [1].

По поводу этого доказательства Дюринга Энгельс пишет: «...если г. Дюринг утверждает, что бесконечный ряд протекшего времени отсчитан, то он тем самым утверждает, что время имеет начало, ибо иначе он вовсе не мог бы начать «отсчитывать». Он, стало быть, опять подсовывает в виде предпосылки то, что должен доказать» [2].

Таким образом, тезис, выдвинутый Дюрингом, по существу остался необоснованным, потому что он привел в качестве аргумента суждение недоказанное. Характерно, что и у Канта, у которого Дюринг списывал это доказательство, оно не выдается за такое, которое окончательно устанавливает истинность выдвинутого тезиса. Дюринг же со свойственной ему бездоказатель-

---

[1] См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 46.
[2] Там же, стр. 48.

ностью выдает его за очередную, открытую им абсолютную истину в последней инстанции.

Рассмотрим *другой случай* подобного ошибочного доказательства. Применили его члены одной молодежной английской делегации, посетившей Советский Союз. В одной из бесед с ними представители советской молодежи спросили: как относятся делегаты к тому, что в Англии при выборах депутатов парламента не существует фактически тайного голосования.

Англичане спросили, на каком основании им ставят подобный вопрос. Им ответили, что ведь в Англии каждый избиратель получает бюллетень с определенным номером. Этот же номер стоит и на корешке бюллетеня, остающегося в избирательной комиссии. На этом номерованном корешке члены избирательной комиссии проставляют, кроме того, порядковый номер, под которым избиратель стоит в списке. Таким образом, всегда есть возможность установить, кто из избирателей за кого голосовал.

— Да, это все верно, — ответили англичане, но у нас потом никто не интересуется личностью избирателя.

— А почему вы так думаете?

— Потому, что выборы же являются тайными.

У англичан выходило, что истинность тезиса обосновывалась при помощи такого суждения, истинность которого в свою очередь зависит от того, будет ли истинным тезис. Конечно, при подобных обстоятельствах доказательство не достигает своей цели — тезис остается недоказанным.

Из всего вышесказанного вытекает необходимость соблюдения еще одного требования относительно аргументов доказательства, а именно: *аргумент должен быть суждением, истинность которого вполне установлена и при том независимо от тезиса.*

Таковы основные правила относительно аргументов доказательства, без соблюдения которых невозможно с необходимостью обосновать истинность тезиса.

* * *

Таким образом, понять сущность доказательства в целом и аргументов в частности можно, только учитывая то, что аргументы в доказательстве совместно с тезисом составляют единство противоположностей: знания бессомненного и знания сомнительного. Сущность аргументов заключается в том, что их бессомненная истинность, установленная при помощи такого объективного критерия, как общественно-историческая практика, служит основанием для установления истинности тезиса.

Аргументы доказательства должны подвергаться изучению и анализу в теории логики не только для того, чтобы установить общие свойства, присущие всем видам аргументов, но также и для того, чтобы обнаружить специфические особенности

каждого вида аргументов, так как их специфические особенности представляют для науки особый интерес.

Если принять в качестве основания деления аргументов характер знания, в них отраженного, и способ удостоверения в их истинности, то можно дать наиболее полную классификацию видов аргументов доказательства, которая и приведена в этой главе с краткой характеристикой сущности и познавательного значения каждого из них.

Аргументы доказательства, чтобы быть действительно надежными основаниями для подтверждения истинности тезиса, должны быть суждениями безусловно истинными, необходимо обосновывающими истинность тезиса, и при том такими, истинность которых не являлась бы выведенной из этого же тезиса.

Без обладания этим комплексом свойств суждение не может быть аргументом. Следовательно, соблюдение этих требований должно быть правилом для доказывающего.

Глава IV. Демонстрация доказательства и правило относительно демонстрации 89
1. Демонстрация как способ связи тезиса и аргументов доказательства 89
2. Правило относительно демонстрации 98
Заключение 104

ГЛАВА IV

ДЕМОНСТРАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ПРАВИЛО ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕМОНСТРАЦИИ

1. Демонстрация как способ связи тезиса и аргументов доказательства

Тезис и аргументы доказательства, будучи по своей логической форме суждениями, всегда воплощаются в такой языковой категории, как предложение. Благодаря этому языковому их воплощению, тезис и аргументы легко воспринимаются, доступны чувственным восприятиям. Тезис и аргументы можно увидеть, если они написаны, их можно услышать, если они произнесены. Все это облегчает их изучение, их анализ.

Сложнее обстоит дело с таким элементом логического доказательства, как демонстрация. Она не может быть в этом отношении поставлена в один ряд с тезисом и аргументами, ибо не находит своего воплощения в отдельном суждении со своим особым содержанием, хотя в логической литературе и существуют попытки представить себе демонстрацию тоже в виде самостоятельных суждений, наподобие тезиса и аргумента. Так, проф. М. С. Строгович пишет: *«Демонстрацией называется выведение тезиса из аргументов, то есть те суждения, которые показывают, почему данными аргументами обосновывается именно данный тезис»* [1].

Верным здесь является указание на то, что когда речь идет о демонстрации, то имеют в виду вопрос о том, почему данный тезис вытекает из данных аргументов.

Но, на наш взгляд, неверно представлять дело так, будто демонстрация в доказательстве представляет собой тоже *какое-то отдельное суждение,* имеющееся в доказательстве, кроме тех суждений, в которых выражены тезис и аргументы.

Указать на такое суждение в доказательстве невозможно. И не случайно поэтому проф. М. С. Строгович, анализируя далее пример доказательства, не в состоянии показать конкретно су-

---

[1] М. С. Строгович, Логика, Госполитиздат, 1949, стр. 325.

ждение, выражающее демонстрацию, в то время, как суждения, выражающие тезис и аргументы, он, конечно, приводит.

Демонстрацию следует видеть в *характере логической связи* между теми составными частями доказательства, которые выражены суждениями, а не в каком-то отличном от них суждении.

Связь эта обусловлена прежде всего *соотношением содержаний тезиса и аргументов*. Проявляется она, с логической точки зрения, в том, что некоторые понятия входят одновременно в различные части доказательства, и, повторяясь в ходе доказательства, они, таким образом, оказываются связывающими звеньями между тезисом и аргументами.

Проф. В. Ф. Асмус в своей работе «Учение логики о доказательстве и опровержении» совершенно справедливо заявляет: «...Демонстрация никогда не есть ни отдельное суждение, ни простая сумма отдельных суждений». Правда, он тут же добавляет: «Демонстрация это более или менее длинная *цепь умозаключений*, посылками которых являются *основания* данного доказательства, а последним заключением — *доказываемый тезис*, который, таким образом, удостоверяется в качестве истинного» [1].

Это уже неверно по двум соображениям. Во-первых, если доказательство будет осуществляться не в форме «более или менее длинной цепи умозаключений», а, скажем, в форме одного единственного умозаключения, то тогда выйдет, что в нем нет демонстрации. И тогда приходится признать одно из двух: или могут быть доказательства без демонстрации, или не может быть доказательств, осуществляемых в форме одного умозаключения.

Но так как ни один из этих выводов не соответствует действительности, то, следовательно, не соответствует действительности и мысль о том, что «демонстрация — это более или менее длинная цепь умозаключений».

Такая трактовка демонстрации должна быть признана неудачной еще и по другому соображению. Говоря «цепь умозаключений», мы тем самым выражаем мысль обо всех составных частях умозаключений в целом: и о посылках, и о выводах, а не только о форме логической связи между ними. Поэтому характеризовать демонстрацию, как цепь умозаключений, это значит говорить о целом комплексе сторон, имеющихся в доказательстве, вместо того, чтобы характеризовать один из моментов этого сложного целого.

Говоря о демонстрации в доказательстве, мы должны уметь абстрагироваться от составных частей доказательства, а видеть только *форму их связи* между собой.

Тезис и аргументы — это как бы строительный материал, из которого строится доказательство, а демонстрация — способ кладки этого материала.

---

[1] В. Ф. Асмус, Учение логики о доказательстве и опровержении, Госполитиздат, 1954, стр. 38.

Конечно, способ соединения частей доказательства зависит от характера самого материала.

Ведь между тезисом и аргументами существует определенная логическая связь. Это связь логического основания и следствия. Поэтому всякое доказательство — это обязательно логическое умозаключение, вывод которого соответствует тезису доказательства, а посылки — аргументам доказательства. Но тем не менее не каждое умозаключение обязательно является доказательством. Здесь мы подходим к тому, что должны подробнее выяснить соотношение умозаключения и доказательства. Сделать это необходимо не только для того, чтобы лучше уяснить сущность демонстрации, но и чтобы лучше уяснить сущность самого доказательства в целом.

В связи с этим прежде всего разберем, почему доказательство всегда является умозаключением.

При помощи логического доказательства мы убеждаемся в истинности знаний выводных, полученных путем абстрактного мышления. Знания, которые не могут быть получены в результате логического умозаключения, не могут быть и доказаны при помощи логических доказательств.

Человек сначала познает нечто, а затем лишь может доказывать имеющиеся знания. Так, М. В. Ломоносов пишет: «Химик должен доказывать все, что приводится в химии. Но то, что он доказывает, ему надо сперва познать...» [1].

Здесь, естественно, возникает вопрос, почему то, что познано, должно быть еще доказано.

Дело в том, что процесс познания истины — сложный процесс. В нем есть моменты, когда у человека возникает лишь первая туманная догадка о тех или иных свойствах действительности. Эта первая догадка в процессе дальнейшего изучения явления может приобрести более четкий характер, а затем и определенную степень уверенности в том, что эта догадка есть суждение истинное, но степень, еще не настолько высокую, чтобы окончательно принять приобретенное знание за истину и перейти к практическим действиям, опираясь на это новое знание.

Вот здесь-то человек и бынужден строить логические доказательства, стремясь удостовериться в истинности своего нового вывода, полученного путем умозаключения.

При этом мы как бы еще раз проделываем мысленно то, что уже сделали однажды, повторяем вновь посылки, проверяя, верны ли они, обращаем внимание на связь между мыслями, на закономерность этой связи для мыслей с данным конкретным содержанием.

На этот раз наш мыслительный процесс уже будет представлять собой доказательство, а не простое умозаключение. И отличаться они будут не по способу связи между элементами мысли,

---

[1] М. В. Ломоносов, Избр. философские сочинения, ОГИЗ, 1940, стр. 20.

т. е. не по форме мысли и не по объективным основаниям этой связи между мыслями, а по *познавательной цели,* которую мы ставим перед собой.

В случае, когда мы умозаключаем, мы как бы отвечаем на вопросы, *что* есть данный предмет или явление или *что* означают наблюдаемые нами предметы или явления. Поэтому вывод в умозаключении — это мысль *новая,* доселе неизвестная, только что полученная из мыслей известных, уже имеющихся, т. е. из посылок. При этом новая мысль (вывод), хотя и безупречно выведенная и, как потом может выясниться, абсолютно правильная вначале, сразу после ее выведения может показаться даже невероятной в силу своей новизны и необычайности.

После выведения новой мысли мы уже задаем себе другой вопрос: «верна ли она?», «действительно ли это так?» и затем тут же еще раз повторяем проделанное умозаключение. И так как умозаключение повторяется, то наше внимание уже не в такой мере поглощено вопросом о том, *что следует* из данных посылок, потому больше внимания обращается на то, чтобы выяснить — *действительно ли это следует.*

Так получается то же умозаключение, но уже выполняющее несколько иную познавательную функцию, чем в первом случае, несущее, так сказать, *дополнительную познавательную нагрузку.*

Из этого ясно, что между доказательством и умозаключением существует довольно тонкая, подчас трудно уловимая, но все же реально существующая, вполне постигаемая разница. Правда, для этого человеческую мысль следует рассматривать движущейся во времени, понимать ее, как отражение действительности, иными словами, твердо стоять на позициях диалектического материализма.

Тот, кто стоит на иных позициях, не в состоянии будет понять существо умозаключения, а следовательно, и доказательства.

Так, например, кантианец Ив. Менделеев говорил: «...В тот момент, когда мы делаем вывод, мы представляем себе сразу — сразу сознаем и обе посылки, *...самый же логический акт выводa не требует ни времени, ни пространства»* [1]. «Поочередное же изложение посылок и вывода это только наружная схема передачи логического акта, ибо другого способа *передачи,* кроме как во времени и в пространстве, — у нас не существует...» [2].

Ясно, что на основе таких идеалистических установок невозможно рационально объяснить сущность доказательства и умозаключения, нельзя рационально объяснить их взаимоотношения.

Только те исследователи имеют возможность идти по верному пути решения этих вопросов, которые придерживаются диалектико-материалистической точки зрения в теории познания.

---

[1] Ив. Менделеев, Оправдание истины, СПб, 1910, стр. 18.
[2] Там же, стр. 19.

Хотя, конечно, и авторам, придерживающимся общих материалистических установок, не всегда удается сразу увидеть *главное*, что отличает умозаключение от доказательства.

В одном случае для этой цели предлагают прежде всего различать «доказательство в широком смысле слова» и «доказательство в узком смысле». Доказательством в широком смысле слова называется всякий способ уяснения оснований, по которым известное суждение считается истинным. К таким доказательствам относят также и *выводы или умозаключения*. «...В более узком и специальном смысле доказательством называется не всякий вывод, но *особый* вид вывода или особая форма обоснования истины. В этом — специальном смысле доказательством называется исследование истинности (или ложности) *суждений*»[1].

Здесь прежде всего бросается в глаза то, что из этих определений нельзя уловить различия между доказательством «в узком» и «в широком» смысле слова. Поэтому непонятным остается и то, почему к «доказательствам в широком смысле слова» принадлежат и выводы, или умозаключения. Здесь, таким образом, предлагается рассматривать всякое умозаключение как вид доказательства в широком смысле.

Существует и другое представление, согласно которому всякое доказательство происходит в такой форме мышления, как умозаключение.

Для обеих этих точек зрения о соотношении доказательства и умозаключения характерно понимание его, как отношения между родом и видом. Правда, в одном случае за род принимают умозаключение, а в другом — доказательство.

Но существует и мнение, что отношение между доказательством и умозаключением следует рассматривать, как отношение соподчинения. В этом случае доказательство предлагают рассматривать как четвертую основную форму мышления наряду с понятием, суждением и умозаключением. Эта точка зрения нашла было свое отражение в программе по логике для отделений логики университетов, логики и психологии педагогических институтов, утвержденной Управлением преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР 15 августа 1950 г. В ней в разделе «Формы и содержание мышления» сказано: «Основные формы мышления: суждение, понятие, умозаключение, доказательство».

Однако вводить в науку логику доказательство как четвертую основную форму мышления нецелесообразно, потому что понятие, суждение и умозаключение как самостоятельные формы мышления отличаются своеобразным, не похожим друг на друга строением мысли. Строение же мысли в доказательстве вполне соответствует тому строению мысли, которое мы имеем в умозаключении вообще.

---

[1] В. Ф. Асмус, Логика, Госполитиздат, 1947, стр. 345.

Поэтому доказательство следует рассматривать, как особый *логический прием*, имеющий свои задачи, осуществляющийся в форме умозаключения.

Взаимоотношение между доказательством и умозаключением напоминает взаимоотношение, которое существует между суждением и определением или суждением и делением понятий.

Известно, что всякое определение понятия осуществляется при помощи такой основной формы мышления, как суждение. Поэтому всякое определение и есть суждение, но не всякое суждение является определением. Между ними, как и между умозаключением и доказательством, также существуют отношения рода и вида. И то положение, что определение имеет свои специфические задачи, которые присущи не всякому суждению вообще, а свойственны только тем суждениям, целью которых является раскрытие содержания понятия, не признается нами за достаточное основание для выделения определений в особую самостоятельную форму мышления наряду с суждением. Если бы мы стали на этот путь, нам бы пришлось и деление понятий также выделить в особую основную форму логического мышления.

При этом мы исходим из того, что действие нашего ума в данном случае в основных моментах соответствует тому способу связи элементов мысли, который мы имеем в суждении вообще.

То, что теория логики обобщает в трех логических категориях все логические процессы мышления, — явление, конечно, положительное. Это результат большой абстрагирующей работы человеческого ума по познанию формы мышления. Отказываться от этого результата нет смысла. Другое дело, что на этом не следует останавливаться.

Необходимо выяснить специфику обобщенного в категориях понятия, суждения, умозаключения, выяснить отношение общего и частного в них. Поэтому, помня, что единственно верным решением вопроса о соотношении доказательства и умозаключения является то, что доказательство осуществляется в форме умозаключения, необходимо продолжить выяснение различий между ними.

Многие логики видят это различие в том, что в умозаключении мы не должны исходить из истинных посылок, а в доказательстве — должны.

Так, А. Светилин пишет: «По своей форме оно (доказательство. — *А. Ш.*) есть *умозаключение*, но отличается от него тем, что в умозаключении не берется в расчет достоверность посылок, между тем как для доказательства достоверность посылок составляет главное условие»[1].

Однако, это неверно, так как цель умозаключения состоит в том, чтобы получить в результате рассуждения новое истинное знание о действительности. Причем достигнута эта цель может

[1] А. Светилин, Учебник логики, изд. 14, с изменениями доц. В. Беляева, Птгр., 1916, стр. 109.

быть только в том случае, если наши предпосылки верны и если мы верно применяем к ним законы мышления. Следовательно, умозаключая, мы также должны брать в расчет достоверность посылок. Умозаключая, мы предполагаем, что наши посылки верны, поэтому между суждениями в умозаключении строим такие связи, какие обычно мы должны строить для подобных типов истинных суждений. Вот почему вопрос об истинности посылок становится предметом особой заботы в процессе доказательства. Если в процессе проверки наших умозаключений мы усомнимся в истинности какой-либо посылки нашего вывода (в то время как в первый раз этого не было), тогда мы начнем искать основания истинности посылок, вызвавших у нас сомнение при повторном рассуждении. И действительно, может получиться так, что, выводя новую мысль, мы ограничиваемся в данный момент одним умозаключением, а доказывая ее, мы уже оказываемся вынуждены развернуть целую цепь умозаключений. Этот момент и предлагают иногда рассматривать, как основание для различения умозаключения и доказательства.

Но это только частный случай отличия доказательства от умозаключения, и притом по форме, существо же отличия следует усматривать в несколько своеобразных познавательных задачах, решаемых нами в одном и другом случаях.

Задачи эти, как было сказано выше, отличаются тем, что, умозаключая, мы отвечаем на вопрос: *какие выводы следуют из данных суждений,* и доказывая,— *действительно ли следуют эти выводы.*

При переходе к доказыванию умозаключение может иногда разрастись в цепь умозаключений, как было сказано только что, но может и не разрастись в цепь умозаключений, а превратиться в «умозаключение об умозаключении». Подобный случай показан в «Логике» В. Ф. Асмуса. Сначала автор приводит рассуждение, являющееся умозаключением: «Так как все злаки цветут колосками и так как все бамбуки — злаки, то все бамбуки также цветут колосками», а затем показывает, какую форму может принять наше рассуждение, когда мы будем доказывать эту мысль: «Если верно, что все злаки цветут колосками, а также, что все бамбуки — злаки, и если умозаключение правильно, то верно и то, что все бамбуки цветут колосками. Но утверждения, что все злаки цветут колосками и что все бамбуки — злаки, истинны. Так же правилен и самый ход умозаключения. Следовательно, заключение, что все бамбуки цветут колосками, истинно»[1].

Вторая часть рассуждения действительно является умозаключением об умозаключении, притом таким умозаключением, которое совершается с целью проверить себя еще раз: верно ли мы рассуждаем, можем ли мы считать наше рассуждение приведшим нас к истине или нет.

---

[1] В. Ф. Асмус, Логика, Госполитиздат, 1947, стр. 345.

Как же следует отнестись к формуле «доказательство есть умозаключение об умозаключении»? С. И. Поварнин, который раньше других обратил внимание на это явление, считал, что доказательство всегда таким и только таким образом отличается от умозаключения и что в этом отличии все существо разницы между доказательством и умозаключением.

В действительности же это только *одна из форм проявления различия между умозаключением и доказательством*, существо которой заключается, как мы уже указывали, в различных познавательных задачах умозаключения и доказательства.

Таким образом, критикуя эту форму в том виде, как понимал ее С. И. Поварнин, который возводил одно из проявлений различия между доказательством и умозаключением в абсолют, мы не должны отбрасывать того рационального момента, который в ней содержится.

Иногда при критике этой формулы усматривают идеализм не в том, в чем он содержится. Так, диссертант А. М. Зозуля в автореферате кандидатской диссертации на тему «Об отношении между доказательствами и умозаключениями в свете трудов классиков марксизма-ленинизма», разбирая причины недостаточного внимания к вопросам доказательства и опровержения в теории логики, указывает, во-первых, на отождествление логиками доказательства и умозаключения, а во-вторых, заявляет: «Отрицательную роль сыграла здесь и другая, уже не только ошибочная, но и вредная тенденция идеалистического истолкования некоторых основных положений теории логических доказательств.

Это нашло свое выражение прежде всего в определении доказательства как «умозаключения об умозаключении». Разделяемая многими русскими дореволюционными и некоторыми советскими логиками, эта формула определения природы и характера логических доказательств являет собой яркий образчик идеалистического истолкования важнейшего раздела логики. В самом деле, вместо того, чтобы исходить при построении теории логических доказательств из единственно научного марксистско-ленинского принципа теории познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» (Ленин), здесь предлагается проверять истинность умозаключения (тезиса)... умозаключением. Таким образом, критерием объективной истинности умозаключения (тезиса) выставляется само мышление, при том не как специфический процесс отражения объективной реальности, но лишь как одна из форм, в которой эта объективная реальность отражается в человеческом мышлении. В действительности же за этой формулой кроется нечто более определенное и более неприемлемое — гегелевский демиург, гегелевская абсолютная идея»[1]

[1] А. М. Зозуля, Об отношении между доказательствами и умозаключениями в свете трудов классиков марксизма-ленинизма, М., 1953, стр. 12.

Судя по приведенной цитате, автор ее допускает передержки. Во-первых, он считает, что формула «доказательство есть умозаключение об умозаключении» никак не может быть рационально применена без того, чтобы не отказаться от материалистического понимания процесса познания истины, выраженного в ленинской формуле «От живого созерцания к абстрактному мышлению и **от него к практике».**

Во-вторых, А. М. Зозуля, ратуя за признание общественно-исторической практики людей критерием истины, рассуждает таким образом, что остается непонятным, можно ли вообще удостовериться в истинности какого-либо суждения, не прибегая непосредственно к его практической проверке, а лишь умозаключая о том, что умозаключение, при помощи которого оно было получено, уже имеет достаточные опоры в практике, чтобы принимать за истину вновь полученное с его помощью новое знание.

Здесь, как мы видим, фактически возникает вопрос о том, может ли логическое умозаключение дать нам объективно истинное знание, а в этом сомневаться нельзя. Иначе, будучи последовательным, вообще нужно отказаться от мысли о том, что путем логического доказательства можно обосновать истинность какого-либо суждения.

Как бы мы не толковали смысл формулы «доказательство есть умозаключение об умозаключении», она ни в коем случае не может служить основанием для выделения доказательства в четвертую основную форму логического мышления. Чтобы согласиться с этим, достаточно обратить внимание на некоторые аналогичные факты. Так, например, нам часто приходится высказывать свое мнение о содержании какого-то конкретного суждения. Например: «Суждение правителей США о том, что их политика «с позиции силы» в отношении стран народной демократии может принести им успех, есть ложное». Ведь в данном случае наше «суждение о суждении» происходит также в форме суждения. Отличается оно от других утвердительных суждений только содержанием. Поэтому такого рода суждения мы совершенно справедливо не выделяем в особую форму мышления.

В подобном положении мы окажемся, если будем создавать себе представление о чьих-либо конкретных понятиях или о понятии как форме мысли вообще. В этом случае наше «понятие о понятии» остается по форме мысли понятием, а не какой-то иной формой мышления. Содержание его, конечно, будет своеобразным. Оно будет представлять собой своего рода абстракцию второго порядка. Но в этом ничего удивительного нет, так как сила абстракции человеческого мышления поистине не имеет пределов.

Из сказанного должно быть ясно, что те логики, которые так или иначе принимают формулу «доказательство есть умозаклю-

чение об умозаключении», не вправе на этом основании отрицать того положения, что с точки зрения основных форм мышления доказательство осуществляется в форме умозаключения, и выделять его таким образом в особую форму мышления.

Правда, существуют попытки выделить доказательство в самостоятельную, и притом «более высокую» в сравнении с понятием, суждением и умозаключением, форму мышления по другим основаниям.

В качестве подобного основания предлагается принять единство правильности формы и истинности содержания. Так, диссертант В. Моргачев в автореферате кандидатской диссертации «Опыт построения теории доказательства в логике» пишет следующее: «Доказательство всегда сочетает в себе правильность формы и истинность содержания. Оно является вполне самостоятельной формой мышления, и притом формой — более высокой в сравнении с понятием, суждением и умозаключением. В *доказательстве,* в отличие от других форм научного мышления, *правильность* формы *неразрывна* с *истинностью* содержания: только в нем правильнссть формы означает в то же время и истинность содержания. Правильность формы и истинность содержания выступают в доказательстве как вполне обоснованные факторы» [1].

Неверным здесь является утверждение, будто бы доказательство *всегда* сочетает в себе правильность формы и истинность содержания. Другое дело, что оно *должно* сочетать их для того, чтобы быть верным, но бывают случаи разрыва между правильной формой и истинностью содержания. Тогда доказательство становится неверным, ложным, перестает фактически быть доказательством. В таком случае оно не достигает цели, хотя некоторое время может и признаваться ошибочно за верное, пока этот разрыв формы и содержания остается незамеченным.

Неверным также является утверждение, что *«только* (курсив мой. — *А. Ш.*) в нем (доказательстве. — *А. Ш.*) правильность формы означает в то же время и истинность содержания». Необходимость сочетать правильность формы с истинностью существует и для других форм мышления, и поэтому нет оснований провозглашать это в качестве какого-то монопольного свойства доказательства. Кроме того, ни для одной формы мышления, в том числе и для доказательства, правильность формы сама по себе не является достаточным основанием истинности мысли, а всего лишь условием, содействующим закономерному ее достижению.

2. Правило относительно демонстрации

Как мы уже установили, демонстрация — это способ логической связи между тезисом доказательства и его аргументами.

---

[1] В. Моргачев, Опыт построения теории доказательства в логике, М., 1949, стр. 7.

В самом общем виде эту связь можно характеризовать как отношения логического основания и следствия. Функцию оснований выполняют аргументы, а следствием является тезис доказательства. Способы связи тезиса и аргументов определяются возможными способами умозаключений.

Поэтому *видов демонстрации доказательства существует столько, сколько существует видов умозаключений.* И если в качестве основания деления доказательства на виды принять способ демонстрации, то, естественно, виды доказательств повторят существующие виды умозаключений, устанавливаемые логикой в учении об умозаключении.

Правда, некоторые логики недооценивают познавательное значение этого вида деления доказательств. Эта недооценка доходит до того, что вообще считают неправомерным подобное деление доказательств на виды и поэтому не приводят его в соответствующих разделах теории доказательства. Иногда эта недооценка ограничивается только тем, что деление доказательств рассматривают, как второстепенное, не имеющее особого значения для изучения и анализа доказательства. Такая недооценка является следствием неправильного понимания соотношения доказательства и умозаключения и, очевидно, также следствием того, что усилия, затрачиваемые на разработку этой классификации в учении о доказательстве, отождествляются с ее значением для изучения доказательства.

При этом рассуждают примерно так: поскольку вопрос о делении доказательств на прямые и косвенные требует затраты специальных усилий при разработке теории доказательства, то это деление имеет более важное значение в теории доказательства, чем деление доказательств на индуктивные и дедуктивные, при котором уже можно воспользоваться результатами, добытыми в учении об умозаключении.

Деление доказательств на виды по способу демонстрации крайне нужно тогда, когда необходимо разобраться, правильно ли выводится данный тезис из данных аргументов. Для этого нам нужно установить, при помощи какой формы умозаключения осуществляется доказательство, ибо различные способы умозаключения имеют и различные правила вывода.

Идеалисты считают, что правила умозаключений не имеют объективного значения и носят чисто субъективный характер. Поэтому Карнап заявляет: «...Пусть любые постулаты и правила, лежащие в основе выводов, выбираются произвольно...»[1].

Материалисты же, наоборот, считают, что правила выведения новой мысли из мыслей, уже известных, носят объективный характер. Форма связи между мыслями есть своеобразным отражением связей, существующих между предметами и явлениями самой отражаемой в умозаключении действительности.

---

1 См. Морис Корнфорт, В защиту философии, Изд. иностранной литературы, М., 1951, стр. 34.

Ф. Энгельс прямо говорит, что «мысль, если она не делает промахов, может объединить элементы сознания в единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже *до этого существовало*»[1].

В этом высказывании Энгельса прежде всего важно указание на то, что связь мыслей должна отражать объективно существующую связь реальных прообразов ее, а во-вторых, то, что этого мы достигаем, если мысль не делает промахов.

Следовательно, Энгельс подчеркивает и то, что мысль может делать промахи в ходе умозаключения.

Идеалисты же механистически вульгаризуют процесс мышления, заявляя, что достаточно взять «правильный созерцательный материал», как мы уже застрахованы от ошибочных выводов.

«Сомнительно даже, — пишет русский идеалист Краинский,— встречаются ли у здорового душевно человека настоящие ошибки в самом мышлении. Мозг работает как логическая машина, если ему дан правильный созерцательный материал»[2].

До геркулесовых столбов в подобном механистическом извращении сути мышления доходят современные американские мракобесы. Они не стесняются утверждать, что современные счетные машины способны мыслить даже лучше человека. «В сравнении с этими механизмами человек представляет собой вялое, медлительное и умственно отсталое существо», — писал во французском журнале «Имаж дю монд» профессор Джибсон из университета Джона Гопкинса. И даже более того: «Ничто не может помешать этим роботам в один прекрасный день заменить собою членов правительства в Совете Министров, причем их стальные и стеклянные колесики будут совершенно безошибочно и с безупречной логикой разрешать тысячи проблем, приводящих в смятение нашего министра финансов...»[3].

Эти реакционные бредни искажают действительный характер человеческого мышления и сущность счетных машин.

Марксизм считает мышление очень сложным творческим актом. Если бы мы не допускали ошибок в процессе мышления, то не нужно было бы и логического доказательства, целью которого и есть проверка — не допустили ли мы ошибку в процессе выведения мысли.

При этом источником ошибок может быть не только ложность посылок, но также и неверный ход рассуждений, ибо часто бывает так, что посылки верны, «а вывод, — как говорит Ленин, — никуда не годен...»[4].

Так, например, американские поджигатели войны, боящиеся,

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 40

[2] М. Краинский, Логические ошибки и заблуждения в научном творчестве, отдельный оттиск, стр. 5.

[3] См. «Литературная газета» № 36 от 5 мая 1950 г.

[4] В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 343.

как смерти, разрядки международных отношений и ненавидящие сторонников мира, стараются прежде всего «обвинить» каждого из них в принадлежности к коммунистической партии. Это для поджигателей войны важно, так как многие люди, борющиеся за мир в Америке, вместе с тем, боятся, чтобы их даже заподозрили в принадлежности к коммунистической партии, ибо знают, какие преследования это за собой влечет. Обвинение в принадлежности к коммунистической партии такого политически незрелого и неустойчивого сторонника мира бывает иногда вполне достаточно, чтобы он прекратил свою активную деятельность в организации сторонников мира.

Достигается подобное обвинение в принадлежности того или иного сторонника мира к коммунистической партии зачастую при помощи следующего «доказательства»: «Вы обвиняетесь в скрытии своей принадлежности к коммунистической партии», — говорят обычно такому сторонннику мира члены Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

«Ничего я не скрываю. Я просто не состою членом коммунистической партии», — отвечает обвиняемый.

«Как «не состою», — орет маккартист. — Все коммунисты принимают участие в деятельности организации сторонников мира, а нам доподлинно известно, что вы подписывались под Стокгольмским воззванием, значит вы принимаете участие в организации сторонников мира, а следовательно, вы тоже «коммунист».

На примере этого «доказательства» мы видим, что в качестве аргументов взяты суждения истинные, но демонстрация в нем, т. е. форма связи между тезисом и аргументами, не выдерживает никакой критики. Доказательство в данном случае осуществляется в форме простого категорического силлогизма, в котором для получения из истинных посылок логически обоснованного вывода, кроме прочих требований, необходимо, чтобы средний термин был распределен хотя бы в одной из посылок. В данном случае он не распределен ни в одной из посылок.

В качестве среднего термина здесь выступает понятие «принимающий участие в деятельности организации сторонников мира». Оно в обоих случаях является предикатом утвердительного суждения, а в утвердительных суждениях, если они не являются определениями, предикат не распределен, следовательно, он не распределен ни в одном из приведенных аргументов.

Таким образом, в данном доказательстве налицо нарушение одного из правил умозаключения. В этом нарушении и кроется источник логической несостоятельности данного доказательства.

Можно было бы привести множество примеров, притом различных не только по конкретному содержанию, но и по характеру логической ошибки, когда из-за несоблюдения объективно существующих правил умозаключений доказательство не достигает цели. Но в этом нет необходимости, так как вопрос этот

исследуется в теории умозаключения и при анализе конкретных видов ошибок, встречающихся в доказательстве. Для наших целей сейчас важен вывод о том, что доказательство не может быть верным, если в ходе его нарушены правила умозаключения.

Поэтому относительно демонстрации доказательства должно придерживаться следующего правила: *в ходе доказательства необходимо соблюдать требования правил тех умозаключений, в форме которых осуществляется данное доказательство.*

Таким образом, в требовании, предъявляемом к демонстрации доказательства, нашло свое выражение то положение, что доказательство осуществляется при помощи умозаключения и что оно не может быть успешным без соблюдения правил умозаключения.

Иногда, конечно, встречаются доказательства, в которых не соблюдены правила умозаключения, но, тем не менее, тезис оказался суждением истинным. Истинным он оказался в данном случае чисто случайно. Мы же жизненно заинтересованы в таком рассуждении, при котором истинность тезиса-вывода следует из посылок-аргументов с *необходимостью.* Так, например, неверным следует признать доказательство из-за неправильной демонстрации: «Так как все жидкости упруги, а ртуть также упруга, то отсюда следует, что ртуть также является жидкостью». Здесь в заключении мы имеем истинное суждение, но оно вовсе не следует с необходимостью из приведенных аргументов, хотя они и являются суждениями истинными.

Вывод в данном случае не следовал с логической необходимостью из аргументов, несмотря на то, что в ходе рассуждения и употреблено слово «следовательно», которое наряду с некоторыми другими словами, как, например, «таким образом», «итак», «в силу этого» и т. д., употребляется обычно для указания наличия логической связи основания и следствия между суждениями.

Употребление указанных выше слов способствует выявлению наличия определенной логической связи между суждениями. Но тем не менее, употребление их, с одной стороны, не является обязательным, а с другой, не означает еще, что такая связь имеется везде, где употреблены эти слова, так как они могут быть употреблены незаконно.

Поэтому доказательство лишь тогда сможет достичь своей цели, сможет убедить, если объективно существует необходимая логическая связь между тезисом и аргументами. Если же такой связи нет, то никакие слова, употребленные для выражения логической связи, притом употребленные, конечно, незаконно, не помогут делу; доказательство цели не достигнет, оно не будет убеждать в истинности тезиса.

В логической литературе существует также сравнительная оценка «доказательной силы» доказательств, осуществляемых

при помощи различных способов демонстрации. На подобной оценке сказывается абстрактное, метафизическое сопоставление «ценности» различных видов умозаключений, в частности индукции и дедукции. Так, например, те логики, которые считают дедукцию единственно правомерной формой умозаключения, считают соответственно единственно возможной и законной формой демонстриции — силлогизм.

Советские логики в своих исследованиях опираются на научное решение вопроса о соотношении индукции и дедукции, данное Ф. Энгельсом; поэтому и в вопросе о доказательстве они не допускают ошибок, столь характерных для буржуазных логиков.

Однако следует указать, что в отношении такого вида умозаключения, как аналогия, и в советской логической литературе существует неверная точка зрения. Она заключается в отрицании какой бы то ни было возможности доказательства при помощи аналогии. «Аналогия ни в коем случае не является доказательством» [1],— пишет проф. М. С. Строгович.

Конечно, при помощи аналогии нельзя получить в выводе обоснованного категорического суждения, поэтому она не может быть и средством доказательства истинности категорических суждений. Но поскольку умозаключения по аналогии дают нам суждения-выводы проблематического порядка, постольку аналогия способна быть средством доказательства истинности суждения-тезиса проблематического. Суждение возможности будет истинным тогда, когда оно отражает тот факт, что какие-то явления *могут* наступить или могли иметь место.

Таким образом, аналогию следует признать вполне допустимой формой демонстрации для доказательства определенных типов тезисов.

* * *

Из сказанного в четвертой главе следует:

Демонстрация доказательства — это способ логической связи данного тезиса и аргументов. Поэтому нельзя представлять демонстрацию доказательства в виде отдельных суждений, имеющихся в доказательстве, помимо тех суждений, которые выражают тезис и аргументы доказательства.

Для уяснения сущности демонстрации доказательства и сущности доказательства в целом большое значение имеет правильное понимание взаимоотношения доказательства и умозаключения. В поисках разницы между доказательством и умозаключением логики часто обращают основное внимание на различие между ними по форме, оставляя в тени различие по существу.

---

[1] М. С. Строгович, Логика, Госполитиздат, 1949, стр. 315.

А существо различия между умозаключением и доказательством — в различных познавательных функциях их. Умозаключая, мы решаем вопрос о том, *что следует* из данных суждений, а доказывая, решаем вопрос о том, *действительно ли это следует.*

Процесс доказательства истинности суждения в отличие от его выведения может проходить либо в форме «умозаключения об умозаключении», либо в форме цепи умозаключений. Но это лишь некоторые конкретные формы проявления того существа различия между доказательством и умозаключением, о котором сказано выше.

Всякое доказательство — это логический процесс обоснования истины, который осуществляется в форме умозаключений. И поэтому нет никаких оснований выделять доказательство, наряду с понятием, суждением и умозаключением, в четвертую основную форму мышления.

С другой стороны, следует указать, что демонстрация в доказательстве может осуществляться в форме *любого* вида умозаключения, в том числе и в форме аналогии для доказательства истинности проблематических суждений.

Чтобы доказательство достигало цели, необходимо в ходе доказательства соблюдать правила тех умозаключений, в форме которых осуществляется доказательство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы доказательства неразрывно связаны с учением об истине. Поэтому двигаться вперед в развитии теории доказательства в логике можно только при наличии правильного понимания истины. А так как подлинно научное понимание истины мы находим лишь в диалектическом материализме, то научную теорию доказательства можно создавать только в том случае, если опираться на теорию познания диалектического материализма, ведь только диалектический материализм подлинно научно объясняет природу мышления в целом, объективный характер законов и форм логического мышления в частности.

Сущность и значение логического доказательства в процессе познания могут быть лучше уяснены, если изучать их в связи с вопросом о доказательности мышления.

Доказательность мышления рассматривается материалистической логикой, как необходимое условие достижения истинных знаний, бездоказательность же, голословные заявления рассматриваются ею, как орудие софистики, стремящейся исказить истину, выдать ложь за истину.

Защита доказательности мышления в теории логики и борьба против бездоказательности есть одно из важных проявлений борьбы материализма про́тив идеализма в логике.

Борьба эта приобретает особое значение сейчас, когда бездоказательность и алогизм открыто и беззастенчиво проповеду-

ются современными логиками буржуазного лагеря, которые служат интересам империалистов.

В борьбе против софистики вообще и бездоказательности в частности логикам-материалистам следует прежде всего опираться на неисчерпаемо богатое теоретическое наследство, оставленное нам классиками марксизма-ленинизма.

Борьба за доказательность мышления может быть успешной лишь в том случае, если она будет сопровождаться дальнейшей глубокой научной разработкой с позиций диалектического материализма вопросов теории логического доказательства и критикой проявлений идеализма и метафизики в этом вопросе.

При разработке теории доказательства надо стремиться к тому, чтобы разрабатываемые теоретические положения содействовали улучшению практики доказательства. К таким вопросам, прежде всего, следует отнести правила доказательства.

В тех случаях, когда изложение теории доказательства не сопровождается или не завершается формулированием правил доказательства, которые следовало бы принять как руководство к действию, эффект обратного воздействия теории доказательства на практику доказывания, безусловно, снижается.

Объективно, независимо от воли автора, это выглядит как недооценка практического значения науки логики, ибо логика, как и все другие науки, возникла из практических нужд людей и должна им служить.

Сказанное выше о значении правил не должно расцениваться, как отрицание значения (для повышения культуры мышления) иных вопросов теории доказательства, а лишь как *подчеркивание* значения вопроса о правилах доказательства. Более того, само выведение и применение правил доказательства может быть успешным в том случае, если правильно понята сущность доказательства в целом, его строение, служебная роль его составных частей, специфика различных видов доказательства и т. д.

Поэтому круг вопросов, рассмотренных в настоящей работе, представляет собой только некоторую часть из числа многих важных вопросов теории доказательства в целом.

Те же некоторые новые результаты, к которым пришел автор в рассматриваемых им вопросах, нуждаются в критической оценке со стороны других логиков с тем, чтобы отшлифовать эти положения, всесторонне обосновать их и избавить от ошибок.

Достигнуто это может быть в результате участия в разработке теории доказательства многих советских логиков на основе свободного обмена мнений и творческих дискуссий. Теория доказательства, таким образом, продолжает оставаться разделом науки логики, остро нуждающимся в дальнейшем приложении сил со стороны логиков-марксистов.

Александр Николаевич
Шейко

Правила логического доказательства.

Редактор Грановская Л. М.

Техредактор Хохановская Т. И.

Корректор Балясная А. Е.

БФ 19112. Зак. № 1081. Подписано к печати 30/X 1956 г. Печатн. лист. 7,75. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бумажн. лист. 3,87. Учетно-издат. лист. 7,2. Тираж 5200. Цена 3 руб. 60 коп.

Типография изд-ва Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко,
Киев, Владимирская, 60а.

Цена 3 руб. 60 коп.

БЕНО ФЕЛКНЕР

ЛАБОРАТОРНЫЕ РАБОТЫ ПО ПОТОКУ